

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца 5 франк.
» 2 мѣсяца 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15⁰⁰ ФЕВРАЛЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Университетская автономія и чиновническій произволъ. — 2) Нѣмецкій ученый 30-хъ годовъ о тогдашней Толстовщинѣ. — 3) Къ университетскому вопросу (письма въ редакцію «Вольнаго Слова»): I. Опрсовъ и студенческія волненія въ Казани. II. Университетскіе урядники. — 4) О письмѣ гг. Михайловскаго и Шелгунова. — 5) Замѣчательный побѣтъ. — 6) Земскіе проекты. III. Елизаветградская записка о препятствіяхъ къ дѣятельности земствъ. — 7) Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ. IV. З. С. — 8) Польскій проектъ всероссійской политической реформы. X. С. — а. — 9) Изъ бумагъ редакціи «Колокола». I. Иркутское письмо М. А. Бакуну на къ А. И. Герцену. (Окончаніе). — 10) Рабочій день и фабричное законодательство. (Продолженіе). В. Г. — 11) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. VI. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи. (Продолженіе). Н. Жебунева. — 12) Извѣстія и замѣтки: Святосъ семьи въ Россіи. — Хотя бы грамотѣ выучились. — Гг. Побѣдоносцевъ и Геролифъ. — Комиссія тайныхъ совѣтниковъ и семинаристовъ. — Работа Тверскаго земства и проектъ гг. Кадѣбу. — Вымышленная прокламація.

Жебунева, 15 февраля 1883.

Читатели найдутъ далѣе нѣсколько занюдалыя, но все же характерныя свѣдѣнія о причинахъ волненій въ казанскомъ университетѣ, а также письмо объ университетской инспекціи въ Харьковѣ, которую наши корреспонденты совершенно вѣрно приравниваетъ къ урядникамъ. Свѣдѣнія эти, полагаемъ, прибавляютъ новыя данныя къ вопросу, о которомъ событія послѣднихъ мѣсяцевъ заставляли насъ говорить нѣсколько разъ и о которомъ, впрочемъ, мы все избѣгали говорить подробно, думая, что въ Россіи онъ неразрѣшимъ безъ рѣшенія болѣе широкаго вопроса: объ общей политической свободѣ. Но вопросъ этотъ стоитъ на лицѣ между прочимъ и въ видѣ устава университетовъ, который теперь внесенъ въ государственный совѣтъ, и требуетъ, чтобы о немъ высказались всѣ отъѣлки общественнаго мнѣнія съ извѣстной полнотою. Послѣднее необходимо между прочимъ и потому, что объ этомъ университетскомъ вопросѣ существуетъ до того неясное представленіе и въ самомъ обществѣ, что среди него даже элементы далеко не реакціонные готовы сойтись, хоть по нѣкоторымъ пунктамъ вопроса, съ заведомо реакціоннымъ правительствомъ.

Мы уже мимоходомъ замѣтили это, указывая на неудовольствіе, выразившееся въ нѣкоторыхъ либеральныхъ газетахъ противъ университетской автономіи, по уставу 1863 г., которая-де являлась автономіей профессоровъ

гешефтвахеровъ. Неудовольствіе это было бы совершенно законно, если бы оно не сопровождалось отрицаніемъ принципа корпоративной автономіи вообще и удовольствіемъ при ожиданіи устава, который окончательно отдастъ наши университеты въ руки министерства и его агентовъ.

Прежде всего совершенно напрасно бы кто считалъ, что уставъ 1863 г. вводилъ въ Россію полную автономію университетовъ, — а не одно только нѣкоторое административное самоуправленіе старшихъ по службѣ профессоровъ (ординарныхъ и экстраординарныхъ) при постоянномъ однако же контролѣ и вмѣшательствѣ попечителей и министра. Уставъ этотъ, во первыхъ, поставилъ въ совершенно безправное положеніе доцентовъ, — за тѣмъ не только не обезвѣчилъ корпоративной организаціи студентовъ, но разбилъ даже ту, которая фактически уже выработалась жизнью въ 1857—1862 гг. и которая въ нѣкоторыхъ университетахъ (напр., въ Кіевѣ, благодаря управленію Пирогова) достигла весьма широкихъ размѣровъ. Уставъ этотъ, наконецъ, не давалъ главной изъ академическихъ свободъ: свободы науки *). При-

*) Вотъ какъ опредѣляли мы въ одной изъ нашихъ брошюръ, писанной еще во времена Л. Мелковскихъ вѣяній, — когда, послѣ отставки гр. Толстого многіе увлекались иллюзіями о наступленіи мира въ нашихъ высшихъ школахъ, — три круга академическихъ свободъ, существующихъ въ цивилизованныхъ странахъ:

«Академическое общество или даже академическое государство, Civitas academica, какъ говорятъ на Западѣ, общество спеціальное, составленное изъ индивидуумовъ извѣстнаго труда, а также изъ тѣхъ, которые учатся у нихъ этому труду и его приложению. Всего скорѣе можно сравнить школу, особенно высшую, съ фабрикой, въ которой мы видимъ полныхъ рабочихъ и учениковъ, переходящихъ постепенно въ полные рабочіе. Очевидно, что спеціальное это общество должно имѣть извѣстную дисциплину, выходящую изъ сущности процессовъ своего производства и, конечно, соотвѣтственную возрасту членовъ корпораціи. Но очевидно также, что общество это должно имѣть и свою свободу и въ цѣломъ, и въ частяхъ. Свобода эта по отношенію къ окружающей средѣ должна выражаться въ извѣстномъ самоуправленіи, которое бы не допускало до распоряженія въ дѣлахъ корпораціи людей и вѣдомствъ, которыя, не имѣя спеціальной подготовки или имѣя цѣли совсѣмъ противоположныя цѣлямъ корпораціи, портили бы самый предметъ ея производства, — науку. Затѣмъ самый этотъ, такъ сказать, товаръ, наука требуетъ, для успешности своего производства, свободы мысли, т. е. слова, которая поэтому и есть самая главная изъ всѣхъ свободъ академическихъ. Такъ какъ въ высшихъ школахъ въ производствѣ научнаго товара участвуютъ вовсе не одни полные рабочіе, профес-

сомъ нѣкоторая автономія профессорской аристократіи, будучи открыта для административныхъ вліяній, не была поставлена подъ контроль общественнаго мнѣнія свободной печати, а тѣмъ болѣе областнаго представительства. Только въ томъ случаѣ, если бы испробована была такая полная автономія, какаю сейчасъ нами намѣчена, можно бы было рѣшать, годенъ ли негоденъ для нашихъ высшихъ школъ принципъ автономіи.

Совершенно напрасно записываютъ на счетъ автономіи университетовъ и равнодушіе къ наукѣ и гешефтвахерство многихъ изъ профессоровъ. Что въ общемъ теперь научный уровень нашего профессорства повысился противъ прежняго, — это, казалось бы, не требуетъ и доказательствъ. Теперь во всякомъ случаѣ каждый, самый лѣнивый факультетъ можетъ указать на томы сочиненій своихъ членовъ, которыя не безызвѣстны и за границей, тогда какъ двадцать-тридцать лѣтъ назадъ даже сочиненія тогдашнихъ университетскихъ знаменитостей были по большей части компиляціей заграничныхъ книжекъ. Мы справедливо возмущаемся, видя профессоровъ редакторами офиціозныхъ газетъ (Кіевлиннѣ, Волжско-Камскій Вѣстникъ) или деректорами грюндерскихъ банковъ, — но вспомнимъ, что въ Николеевскія времена профессора заурядъ бывали цензорами (одни изъ видовъ заплочнаго мастерства), держали богатыхъ пансіонеровъ, которыхъ проводили въ студенты и кандидаты, при- нуждали студентовъ брать у нихъ уроки передъ экзаменами и брали за это плату даже серебряными ложками. Наконецъ, если уни-

сора, но и ихъ помощники-ученики, студенты, такъ какъ самое усвоеніе этими послѣдними мыслей профессоровъ есть тоже работа, а не пассивное только потребленіе, и работа, требующая, для успешности своего процесса, тоже свободнаго обмена мыслей, то поэтому свобода научнаго слова есть необходимое условіе и для студентовъ высшихъ школъ. Эта свобода слова должна существовать для каѣдры, для научныхъ собраній профессоровъ и студентовъ вмѣстѣ и студентовъ отдѣльно, а также для академической печати. Наконецъ, постоянный совмѣстный трудъ порождаетъ между членами высшей школы, между преподавателями и студентами (порознь и вмѣстѣ), цѣлый рядъ личныя связи, которая тоже естественно влечетъ ихъ къ совмѣстному удовлетворенію чисто личныя потребности: совмѣстнаго преподаванія времени, взаимной помощи и т. п. Отсюда вытекаетъ потребность въ чисто товарищескихъ учрежденіяхъ, каковы клубы, читальни, кассы помощи и т. п., которыя требуютъ для себя тоже извѣстной свободы».

верситетскимъ совѣтамъ можно поставить въ укоръ нѣсколько педобросовѣстныхъ забаллотировокъ достойныхъ ученыхъ (г. Герье во время торжества катковцевъ въ Москвѣ, г. Семевского—цитовическою партіею въ Одессѣ, г. Житецкого и Мищенко въ Киевѣ, благодаря мѣстнымъ катковцамъ), то вспомнимъ, что значительно большее число такихъ ученыхъ выжило было изъ университетовъ, или не допущено въ нихъ ни кѣмъ другимъ, какъ тѣмъ самымъ катковскимъ правительствомъ, которое теперь, говорятъ, должно поднимать научный уровень университетовъ, пониженный будто бы автономіей. Мы перечислимъ лишь примѣры, намъ лично извѣстные: такъ, правительство отправило въ ссылку изъ Петербурга пр. Павлова, изъ Казани Шапова,—оно устранило отъ кафедръ въ Петербургѣ: гг. Костомарова, Пыпина, Спасовича, Стасюлевича, Б. Утина, въ Казани: г. Лесгафта, выжило изъ кievск. ун. г. Зиберы, моск. г. Гольцева и Муромцева; два раза воспрепятствовало выбору въ Киевѣ г. Костомарова и задержало на нѣсколько лѣтъ приглашеніе на кафедру г. Антоновича и такимъ образомъ держало почти 12 лѣтъ вакантною кафедру русской исторіи въ Матеріи русскихъ городовъ, на смѣхъ всей Европѣ, въ которой по этому поводу нѣмецкія газеты распространяли толки о неспособности русскихъ къ наукѣ. Вслѣдствіе полицейскихъ распоряженій не имѣла права на кафедру Аванасевъ (авторъ «Поэтич. возвр. славянъ на природу»), который и умеръ въ нищетѣ, въ то время, какъ Киевскій университетъ, нуждавшійся въ профессорахъ русской литературы, возвелъ его въ доктора; въ такое же положеніе былъ поставленъ и славистъ Котляревскій, которому, только благодаря высокимъ покровителямъ, едва позволили потомъ занять кафедру въ Дерптѣ и только уже почти передъ смертью его — въ Киевѣ. Замѣйте же, что всѣ названные нами имена принадлежатъ къ числу видныхъ именъ въ русской научной литературѣ. Чего же добра можно будетъ ожидать, когда распоряженіе кафедрами перейдетъ всецѣло въ руки прямыхъ агентовъ императорскаго правительства, министра и, особенно въ провинціяхъ, — попечителей, часто генераловъ безъ всякаго понятія о наукѣ? Въ слѣдующемъ №-рѣ читатель найдетъ рецензію на повѣстный научный трудъ академика Безобразова и увидитъ, чѣмъ начинилъ свою книгу этотъ господинъ, выѣсто фактовъ объ экономическомъ положеніи Россіи. А вспомнимъ, что г. Безобразовъ persona gratissima для петербургскихъ официальныхъ сферъ и, при ихъ покровительствѣ, проникъ въ Академію наукъ, не имѣя за собою рѣшительно ни одного солиднаго научнаго труда, тогда какъ, напр., избраніе въ члены академіи г. Пыпина, которому уже одинъ «Очеркъ литературной исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ» далъ бы почетнѣйшее мѣсто въ любой ученой корпораціи въ Европѣ, — было постановлено министромъ гр. Толстымъ! Этотъ министръ пожаловался на выборы г. Пыпина въ соответственномъ отдѣленіи академіи самому государю и добился, что дѣло объ этомъ выборѣ было разсматривалось въ особомъ комитетѣ: какъ вы думаете, изъ кого составленъ? — изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ (ген. Тиманова), шефа жандармовъ (ген. Потапова), при учас-

твіи самого гр. Толстого! Вотъ подобныя же «ученые(!) комитеты» будутъ теперь назначать въ наши высшія школы и удалять изъ нихъ профессоровъ!

И есть еще люди даже между либералами и даже между серьезными учеными, которые, указывая на то, что и въ Западной Европѣ по большей части назначеніе профессоровъ совершается при участіи министерства или даже вполне принадлежитъ ему, не находятъ бѣды въ уничтоженіи теперешняго выбора профессоровъ университетскими коллегіями и другихъ проявленій университетской автономіи, скудно допущенной уставомъ 1863 г.! Люди эти забываютъ разницу министерствъ западныхъ и русскіихъ, силу благопріятныхъ наукъ преданій въ западно-европейскихъ обществахъ, въ которыхъ даже въ старой самодержавно-бюрократической Пруссіи было записано въ законъ: «наука и преподаваніе свободны». Забывается и то, что на Западѣ разъ министръ назначилъ профессора (по соглашенію съ специалистами, по рекомендаціи университета, часто при участіи представителей города или провинціи), онъ не вмѣшивается въ его преподаваніе, ни вообще въ подробности жизни высшихъ школъ, — которыя въ своихъ дѣлахъ сохраняютъ полное самоуправленіе, и то, что на Западѣ нѣтъ генераловъ-попечителей надъ университетами, ни урядниковъ-инспекторовъ въ ихъ стѣнахъ.

При отсутствіи же въ Россіи всего того, что благопріятствуетъ дѣйствительной академической свободѣ на Западѣ, и при наличности всего урядническаго аппарата въ русскіи учебномъ вѣдомствѣ, отъ всецѣлаго подчиненія нашихъ высшихъ школъ этому аппарату нельзя ожидать ничего, кромѣ гибели для науки и разгрома, исключенія и истребленія учащейся молодежи. Последнее уже производится въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Не говоря уже о массовыхъ исключеніяхъ студентовъ высшихъ школъ, со всѣми послѣдствіями этихъ исключеній, — система воспитанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и отношенія начальства къ студентамъ почти уже уничтожили типъ нормальнаго студента, — учащагося юноши, — а развели 2 типа: нервно-озлобленнаго на все окружающее существа, — террориста по симпатіямъ, если не по дѣятельности, — и карьериста отъ младыхъ ногтей. Чего же дождемся мы въ дальнѣйшемъ будущемъ!? Пусть подумаютъ объ этомъ родители подростокующихъ поколѣній!

Нѣмецкій ученый 30-хъ годовъ о тогдашней Толстовщинѣ. То что продѣлывается теперь въ Россіи со школами и молодежью было продѣлываемо, хотя въ безконечно меньшихъ размѣрахъ, въ Германіи во время господства Метерниховщины, — и нашло себѣ вѣрную оцѣнку въ словахъ извѣстнаго Гервинуса (Historische Schriften. 7-er Band, Ueber Börne's Briefe aus Paris, 388—390, 1839 2-е Ausg.). Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слова знаменитаго нѣмецкаго ученаго:

«...въ настоящее время многие приучаютъ себя къ мыслямъ объ лавѣ и къ іезуитскимъ принципамъ... И не смотря на то, что подобный духъ овладеваетъ одною частью нашей молодежи, мы не можемъ видѣть въ немъ ничего, кромѣ ненормальности, ибо молодежь любить все благородное и сочувствуетъ великому, и мы никогда не поверимъ, чтобы подобная любовь и подобное сочувствіе покинули нашу

пылкую молодежь. Мы слишкомъ хорошо знаемъ, изъ какого источника вытекаетъ теперешнее угнетенное состояніе этихъ прекрасныхъ качествъ души у такого множества людей. Въ гѣ годы освобожденія (рѣчь идетъ о началѣ 2-го десятилія 19 в.) — наши правительства убоялись воодушевленія молодежи и не размыслили о томъ, что воодушевленіе есть не болѣе, какъ мимолетное опьяненіе, къ тому же естественное и необходимое въ молодые годы; они успали вниманіе и вниманію надзоръ; неумѣреннымъ и направленнымъ на одностороннее образованіе разсудка ученіемъ они загасили въ самой школѣ всякій актъ ранняго развитія юношеской души; они довершили это угнетеніе неумѣренными требованіями школьныхъ и академическихъ псыаній. Мы не поднимъ, къ чему тутъ скрытыячье и таинственность, и право не сказываемъ, что эти прославленные нѣмецкія школы суть единственные разсадники той несчастной породы людей, которая, при болѣе широкомъ распространѣніи, грозитъ нашему порядку отношеній полнѣйшимъ разрушеніемъ. Мы, конечно, не стоимъ за ограниченіе размѣровъ преподаванія въ школахъ, но молодежи должно быть оставленъ тотъ даръ фантазій, въ которомъ только и живетъ она... не слѣдуетъ на мѣсто воодушевленія подвѣрять насъ старческой мудрости, которая гораздо болѣе опасна для нашего спокойнаго развитія, чѣмъ самыя чудовищныя химеры, не слѣдуетъ раними и сиротами испытаніями (examina rigora) отравлять прекраснѣйшее время жизни у молодой души, стремящейся къ свободѣ и независимости... мы спросимъ, изъ какого другаго источника можетъ вытекать лѣность и презрѣніе къ ученію, какъ не изъ того, что угнетительный, несчастный и перитическій способъ преподаванія въ школахъ отнимаетъ у молодежи вкусъ къ здоровому образованію, и она приходить въ отчаяніе отъ невозможности удовлетворить безсмысленныя требованія экзаменаторовъ? Откуда происходитъ готовность на всякій отчаянный шагъ, какъ не изъ этого недовольства и этой безнадежности? Откуда этотъ хладнокровно-разсудочный выборъ средствъ, какъ не изъ угнетенія того ранняго возбужденія духа, которое такъ прилично молодежи и такъ легко могло бы быть направлено къ добру? Откуда это угнетеніе души, какъ не изъ ранняго образованія разсудка и не изъ ищиванія себя свѣдѣніями, для которыхъ слишкомъ велика еще сила воображенія въ этомъ возрастѣ и слишкомъ недостаточенъ разумъ? Мы спросимъ, въ чемъ было болѣе опасности для государства, культуры и развитія нашего общества въ стремленіяхъ къ молодежи 1813 года, или въ пылѣ 1830?»

КЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ВОПРОСУ.

I.

Г. Ойрсовъ и студенческія волненія въ Казани.

(Изъ письма въ редакцію «Вольнаго Слова».)

Мнѣ удалось встрѣтиться съ однимъ ученикомъ недавнихъ казанскихъ студенческихъ волненій, изъ разсказовъ котораго я и составляю Вамъ настоящее письмо:

«Въ сентябрѣ мѣсяцѣ оставилъ добровольно должность ректора Казанскаго университета проф. Ковалевскій. Репутація пр. Ковалевскаго среди студентовъ была очень хорошая, — его считали умнымъ, гуманнымъ, добросовѣстнымъ, понимающимъ интересы и нужды студентовъ. Выходъ его въ отставку связываютъ съ критическими недоразумѣніями, возникшими въ свѣтѣ университета, благодаря протестамъ самыхъ ретроградной профессорской партіи, во главѣ которой или представителемъ которой выдвинули обыкновенно проф. русской исторіи Ойрсова. Послѣ оставленія проф. Ковалевскаго, должность ректора, проф. Ойрсовъ временно исполнялъ должность ректора. Первыми дѣломъ Ойрсова были придирки его къ костюмамъ студентовъ. Онъ безъ церемоніи останавливалъ въ корридорахъ студентовъ, носившихъ блузы и ботфорты, и предлагалъ имъ, не считаясь, переодѣнуть свои костюмы. Само собою разумѣется, что студенты не могли исполнить такихъ курьезныхъ требованій проф. Ойрсова, и только выписки случаи доказательствъ Ойрсову абсурдность его требованій. Одинъ изъ прим., студентъ, получившій замѣчаніе на счетъ своего костюма, явился на другой день

въ блузѣ безъ пояса, съ разрывомъ на передникѣ и со сборами назадъ, доказывая Опрсову, что это сюртукъ особаго покроя; — Опрсовъ, конечно, не могъ доказать, что это не сюртукъ, какъ не могъ установить точно того, какого покроя долженъ быть сюртукъ. Были придирки и относительно другихъ предметовъ. Проф. Опрсовъ ходилъ вѣчно съ уставомъ и съ правилами и всюду наблюдать, чтобы параграфы были выполнены буквально. Мы не будемъ перечислять мелкихъ фактовъ, характеризующихъ проф. Опрсова, какъ оригинальнаго формалиста-администратора, желавшаго что-то искоренить, что-то насадить въ Казанскомъ университетѣ. Замѣтимъ только, что не было ни одного студента, которому бы проф. Опрсовъ не опротивлялъ до тошноты.

Въ концѣ октября мѣсяца студента Воронцова линиинъ земской стипендіи за то, что онъ остался на второй годъ на одномъ и томъ же курсѣ. Воронцовъ списался съ земствомъ, которое и выслало ему стипендію на имя ректора. Но н. д. ректора, проф. Опрсовъ не выдавалъ этой стипендіи Воронцову, доказывая, что тотъ не имѣетъ права на стипендію, — Воронцовъ же доказывалъ, что земство само имѣетъ право продолжать стипендію даже и тогда, когда студентъ остается на второй годъ на одномъ и томъ же курсѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что проф. Опрсовъ отослалъ деньги обратно земству. На одной изъ лекцій проф. Опрсова студентъ Воронцовъ нанесъ ему два удара по рукѣ, закрывавшей лицо.

Тутъ мы позволимъ себѣ сократить рассказъ нашего корреспондента, такъ какъ собственно ходъ студенческихъ волненій въ Казани частію уже извѣстенъ, частію подобенъ волненіямъ въ другихъ мѣстахъ, описаннымъ въ предыдущихъ номерахъ «Вольнаго Слова». Замѣтимъ, что въ Казани, какъ и въ Кіевѣ, обнаружилось отсутствіе уваженія студента къ гешефтмахерству профессоромъ, къ уничижительной роли господъ, въ родѣ профессора Шилевскаго, редактора оффиціознаго «Волжско-Камскаго Слова» и т. п.

«Университетскій судъ, продолжаетъ нашъ корреспондентъ, состоялъ изъ проф. Загоскина, Флоринскаго, Петрова (медики), Кремлева. Судъ рѣшилъ исключить 32 человѣка, раздѣливши ихъ на три категоріи.

«Определеннымъ на увольненіе изъ университета предложено было оставить Казань въ 24 часа. Казанское общество на вывозъ этихъ студентовъ собрало въ одинъ день 1700 рубл. Воронцовъ преданъ суду съ присяжными засѣдателями за оскорбленіе дѣйствіемъ Опрсова, а бывший студентъ, оскорбившій попечителя Шестакова (во время рѣчи г. Ш.—она онъ замѣтилъ, что г. Ш.—овъ только и дѣлалъ 19 лѣтъ, что обманывалъ студентовъ), преданъ суду Палаты безъ участія присяжныхъ засѣдателей».

II

Университетскіе урядники.

(Письмо въ редакцію «Вольнаго Слова»).

Газеты возвѣстили недавно что новый университетскій уставъ внесенъ уже на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Конечно, отъ этого устава нельзя ожидать ничего добраго, но за то врядъ ли онъ дѣстъ много новаго даже дурнаго, такъ какъ онъ прежде всего долженъ только кодифицировать всѣ тѣ административныя измышленія, которыя исказили и безъ того не очень казистый уставъ 1863 года. Въ числѣ такихъ ожидаемыхъ не новыхъ новшествъ будущаго устава есть одно, о которомъ я намѣренъ, съ позволенія Вашего, поговорить съ читателями «Вольнаго Слова». Это университетская «инспекція».

Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ №-овъ, «Страна» сообщаетъ, что въ новомъ проектѣ предлагается «ближайшій надзоръ за поведеніемъ студентовъ и за исполненіемъ ими установленныхъ правилъ возложить, вмѣстѣ проректоровъ, на особаго инспектора студентовъ, который будетъ избираться попечителемъ съ утвержденія министра; въ особахъ случаяхъ инспекторъ будетъ имѣть право обращаться за содѣйствіемъ къ ректору университета». Какъ

извѣстно, эта попытка со стороны правительства подчинить науку полицейско-инспекторскому надзору сдѣлана еще въ послѣдній годъ управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія гр. Толстого. Придуманная имъ инспектора были встрѣчены съ заслуженнымъ презрѣніемъ студентами, какъ и профессорами. Но тѣмъ не менѣе вопросъ о вредѣ инспекторовъ меньше всего подвергся обсужденію печати, а между тѣмъ отъ существованія университетскихъ инспекцій во многомъ зависитъ свободное и мирное развитіе высшаго образованія въ Россіи. Съ полною точностью можно провести параллель между дѣятельностью и значеніемъ инспекторовъ въ университетахъ и урядниковъ въ деревняхъ. Вредъ вліянія урядниковъ на крестьянскую среду уже констатируется почти всею легальной печатью; даже часть охранительной прессы доказывала, что урядники своей дѣятельностью лишь подрываютъ авторитетъ самодержавной власти въ глазахъ крестьянскихъ массъ. Но въ чемъ же заключается назначеніе и функція университетскихъ инспекцій? Важнѣйшая обязанность инспектора состоитъ въ томъ, чтобы постоянно слѣдить за студентами, кто изъ нихъ больше выдается своимъ умственнымъ превосходствомъ, нравственнымъ вліяніемъ, къ какой категоріи принадлежатъ наиболѣе популярныя среди студентовъ профессора, зорко наблюдать за ходомъ профессорскихъ лекцій, по возможности проникать въ тайны университетскихъ совѣтовъ — и обо всемъ доносить, куда слѣдуетъ*). Естественнѣе, что занять подобную должность соглашаются одни лишь Пафнутьевы и Ноздревы, и въ университетахъ начинаются карьеры произвольнѣе культурныхъ урядниковъ, или выражаясь словами Щедрина, и здѣсь появляются «пегоди». Для иллюстраціи приведемъ нѣкоторые подвиги изъ дѣяній инспектора Харьковскаго университета, Шульгина, бывшаго полицейскаго чиновника при ген. Треновъ.

Въ началѣ сентября 1879 года въ Харьковскій университетъ прибылъ этотъ новый, никому не извѣстный инспекторъ. Съ перваго же дня его появленія въ стѣнахъ университета стала ощущаться какая то дисгармонія, натяжка, несообразности. На порогѣ инспекціи чуть ли не ежедневно появлялись во-очію всего студенчества жандармы съ толстыми и длинными инурованными кнѣзками, — явленіе небывалое и невиданное въ зданіи университета. Немедленно же завязывается борьба между инспекціей и профессорами, съ одной стороны, и той же инспекціей и студентами, съ другой стороны.

Первый изъ профессоромъ, который подвергся доносу инспектора, былъ директоръ терапевтической клиники, профессоръ Лашкевичъ. Въ то время предложено было университетскому начальству ввести знаменитыя Толстовскія правила 1879 г. Профессоръ Лашкевичъ, понявши ихъ безмысленность и неспримѣнимость, горячо протестовалъ на совѣтѣ противъ этихъ правилъ. Объ этомъ пронюхалъ инспекторъ и немедленно донесъ генералъ-губернатору*). Последній, пригласивъ къ себѣ пр. Лашкевича, сдѣлалъ ему должное внушеніе и указалъ ему, между прочимъ, на не столь отдаленныя мѣста. (Разказывали, будто бы на эту угрозу пр. Лашкевичъ категорически заявилъ, что онъ вездѣ будетъ полезенъ, и общество всегда больше будетъ въ немъ нуждаться, чѣмъ въ генералъ-губернаторѣ). И только благодаря своей популярности и уваженію, которымъ профессоръ Лашкевичъ поль-

*) Въ совѣтѣ никто, кромѣ профессоромъ и секретаря, не присутствуетъ, а потому урядникъ долженъ былъ узнавать то, что тамъ говорилось, окольными путями. Говорили, что ему переносилъ профессоръ К.—ій, который потому и былъ забаллотированъ совѣтомъ почти единогласно, но былъ оставленъ на пятилѣтіе въ должностъ, по распоряженію министра. Кромѣ того, у инспектора было нѣсколько прямыхъ агентовъ изъ студентовъ, которыхъ и называли «инспекторской кликой», а также спеціальныя агенты, проведенныя въ число вольныхъ слушателей. Подслушавъ и вывѣдывая всяческимъ образомъ, они узнавали кой что изъ того, что происходило въ совѣтѣ.

**) Ген. Лорисъ-Меликовъ.

зуется въ глазахъ харьковскихъ обывателей, онъ отдѣлался лишь вышеупомянутой угрозой.

Между тѣмъ, плоды инспекторской дѣятельности становились все болѣе осязательными и въ студенческой средѣ. То замѣчается исчезновеніе того или другаго студента, то распространяется слухъ объ арестѣ и высылкѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, такого то студента. Наконецъ, инспекторское «попеченіе о благѣ студентовъ» ясно обнаружилось при высылкѣ студента Долгополова.

Въ № 51 «Волы. Сл.», въ статьѣ о положеніи ссыльныхъ въ Зап. Сибири, упоминается объ одномъ политическомъ ссыльномъ Д.—вѣ, занимавшемся врачебной практикой въ Курганѣ. Между прочимъ, авторъ говоритъ, что онъ высланъ лишь по подозрѣнію. Мы можемъ добавить, что это подозрѣніе было самое неосновательное и что Долгополовъ сдѣлался лишь жертвой ревностнаго усердія университетскаго урядника. Дѣло происходило такъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1879 г. въ сборномъ залѣ появилось объявленіе о раздѣленіи социаль-революціонной партіи на двѣ фракціи, которыя будутъ имѣть свои особые печатные органы. Вспомнивъ этого объявленія успѣлъ скрыться. Тогда инспекторъ, изъ опасенія лишиться репутаціи бдительнаго охранителя, прибѣгъ къ слѣдующему способу розыскать виновнаго. Онъ приказалъ сторожу слѣдить за тѣмъ, кто изъ студентовъ имѣетъ обыкновеніе являться въ университетъ раньше другихъ. Такъ какъ Долгополовъ былъ уже на послѣднемъ курсѣ, на которомъ, какъ извѣстно, чтеніе лекцій, вслѣдствіе ихъ многочисленности, начинается раньше, чѣмъ на другихъ курсахъ, то Долгополовъ, не любившій пропускать лекцій, былъ замѣченъ сторожемъ въ числѣ студентовъ, появляющихся въ университетъ раньше другихъ. Это наблюденіе сторожа и послужило въ глазахъ инспектора достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы Д.—вѣ былъ признанъ виновникомъ наклепки въ сборномъ залѣ объявленія революціонеровъ, за что до сихъ поръ томится въсылкѣ. Черезъ нѣсколько дней студенты случайнымъ образомъ раскрыли всю эту гнусность.

Инспекторъ, оправдываясь передъ студентами, взыалъ всю вину на сторожа и даже со-вѣтовалъ студентамъ просить ректора объ удаленіи сторожа! Сторожъ, въ свою очередь, съ свойственной всякому простолюдину откровенной наивностью и со слезами на глазахъ, разсказалъ студентамъ, какъ инспекторъ ругательствами и угрозами въ присутствіи жандармскаго маіора вынудилъ у него показаніе, будто бы онъ видѣлъ Долгополова наклеивающимъ объявленіе. Студенческая депутація, отправленная къ попечителю*) съ просьбой ходатайствовать о возвращеніи Долгополова, была, конечно, не принята.

Приведемъ еще одинъ характерный эпизодъ. Въ началѣ декабря того же года въ квартирѣ студента V курса, Н.—на, былъ произведенъ обыскъ и, хотя ничего подозрительнаго не найдено было, однако, на слѣдующій день Н.—на былъ арестованъ. Просидѣвъ около 3-хъ мѣс. въ одиночномъ заключеніи, онъ, наконецъ, былъ освобожденъ съ правомъ поступленія во всѣ русскіе университеты, не исключая Харьковскаго. По освобожденіи Н.—на, статья хлопотать объ обратномъ пріемѣ въ Харьковскій университетъ, по всѣмъ его просьбамъ были напрасны. Даже ходатайства ректора и нѣкоторыхъ профессоромъ не увѣчались успѣхомъ. Инспекторъ напрямикъ заявилъ, что, по собраніямъ имъ свѣдѣніямъ, Н.—на весьма опасный человѣкъ. Съ своей стороны студенты, зная Н.—на, какъ весьма добросовѣстнаго и трудолюбиваго студента, также заступились за него и послали для переговоровъ съ инспекторомъ депутацію. Инспекторъ постѣ нѣкотораго колебанія заявилъ студенческой депутаціи, что напрасно-молъ студенты хлопотутъ, такъ какъ онъ отказывается въ пріемѣ Н.—на только потому, что желаетъ охранять студенчество отъ человѣка, который согласился быть агентомъ жандармскаго управленія, за что только и былъ освобожденъ безъ всякаго лишенія правъ. Естественнѣе, что студенты по-

*) Ген. Максимовскій.

вѣрили такому заявленію инспектора, такъ какъ у насъ дѣйствительно очень рѣдко бываетъ, чтобы человекъ, просидѣвшій въ тюрьмѣ 3 мѣсяца, былъ освобожденъ, несколько не скомпрометировавъ себя въ глазахъ жандармовъ.

Нѣсколько недѣль спустя, когда Н—нъ уже былъ въ Киевскомъ университетѣ, обнаружилась вся истинна объ отношеніи къ нему инспектора.

Н—нъ, томясь уже болѣе мѣсяца въ одиночномъ заключеніи и не будучи никѣмъ допрашиваемъ, послалъ, наконецъ, на имя генералъ-губернатора прошеніе объ ускореніи его дѣла, такъ какъ онъ, сознавая свою невинность, увѣренъ въ освобожденіи, — замедленіе же слѣдствія по его дѣлу поведетъ лишь къ тому, что онъ, Н—нъ, можетъ напрасно потерять цѣлый годъ. Въ отвѣтъ на поданное прошеніе къ Н—ну въ камеру явился жандармскій майоръ и объяснилъ ему, что ни онъ самъ, ни прокуроръ не знаютъ, въ чемъ его обвиняютъ; арестовать же онъ былъ по просьбѣ инспектора, который, однако, до сихъ поръ не доставилъ въ жандармское управленіе никакихъ свѣдѣній. Въ утѣшеніе Н—на майоръ обѣщалъ ему скорѣй лично переговорить о немъ съ инспекторомъ. Однако, только послѣ вторичнаго прошенія, вновь поданнаго Н—нымъ генералъ-губернатору, онъ былъ освобожденъ въ томъ же невинномъ своей преступности.

Освобожденный Н—нъ явился въ инспекцію за разъясненіемъ причинъ своего ареста. Но инспекторъ отъ всего отпѣкивался и откровенно, въѣвая, что это «наглій вымыселъ жандармскаго майора», и даже укорялъ Н—на, что онъ могъ повѣрить жандармской клеветѣ на «представителя университета» (!). Но тутъ же Н—нъ былъ приглашенъ инспекторомъ къ попечителю, гдѣ онъ долженъ былъ дать подписку въ томъ, что обязывается все случившееся съ нимъ хранить въ тайнѣ, не разглашать въ свѣдѣній на инспектора клеветы; въ случаѣ же нарушенія данной имъ подписки, онъ долженъ былъ подвергнуться немедленной высылкѣ въ Восточную Сибирь.

Нуждаются ли подобныя мерзости въ какихъ либо комментаріяхъ? Удивительно ли, что описанный здѣсь случай вызвалъ студентовъ на цѣлый рядъ сходокъ, которые только счастливымъ образомъ кончились безъ жертвъ? Что же это будетъ при новомъ, Катковскомъ уставѣ?

О высылкѣ гг. Михайловскаго и Шелгунова мы получили слѣдующія свѣдѣнія: Оба эти писателя находились въ числѣ гостей на вечерѣ, устроенномъ студентами Технологическаго института. Было около 2-хъ часовъ ночи, когда г. Михайловскій и Шелгуновъ случайно проли мимо так. наз. «мертвецкой». Въ послѣднее время отведеніе особыхъ комнатъ для т. наз. мертвецкой на студенческихъ вечерахъ запрещено, такъ какъ тамъ часто полупьяными студентами произносились рѣчи *); но студенты, по старой привычкѣ, все таки сконились въ одной комнатѣ около буфета и прозвали ее мертвецкой.

Полупьяная группа студентовъ, увидѣвъ гг. Михайловскаго и Шелгунова, при восторженномъ шумѣ, втащили ихъ въ эту неразрѣшенную мертвецкую и пристали къ г. Михайловскому, чтобы онъ произнесъ какую нибудь рѣчь. Сначала тотъ не соглашался, но потомъ не устоялъ и заговорилъ о долгѣ и чести. Мысли, высказанныя имъ въ этой рѣчи, конечно, онъ не разъ гораздо яснѣе и рельефнѣе выражалъ въ своихъ статьяхъ, которыхъ, какъ извѣстно, цензура не останавливала. А г. Шелгуновъ во время рѣчи одобрительно кивалъ головой и по окончаніи ея, выскочивъ съ студентами, аплодировалъ г. Михайловскому. Такого преступленія, за которое они были высланы изъ Петербурга!!

Теперь многіе говорятъ о закрытіи журнала «Дѣло», такъ какъ г. Шелгуновъ лишентъ ро-

*) Студентамъ самимъ слѣдовало бы сплю своего общественнаго мнѣнія подѣйствовать такъ, чтобы на ихъ вечерахъ не было «мертвецковъ».

(Ред.)

дакторскихъ правъ, а представленный на мѣсто его г. Станюковичъ до сихъ поръ не утверждёнъ. Онасаются, чтобы г. Толстой такъ и не оставилъ журналъ «Дѣло» безъ отвѣтственнаго редактора; тогда «Дѣло», по истеченіи извѣстнаго срока, само собою закроется.

Замѣчательный побѣгъ. Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ передаетъ намъ слѣдующее письмо: «Жизнь въ Верхоянскѣ (Якутск. области, подл. 67 1/2° с. ш.) такъ насъ измучила, что мы рѣшились выплыть по Янѣ пробраться въ Ледовитый океанъ, а оттуда въ Россію. Задумано — сдѣлано. Выстроили наусуную лодку на 9 человекъ и, какъ только вскрылась Яна, мы отправились въ путь въ компаніи съ 2 скопцами и однимъ ссыльнымъ французомъ. 15 Юня мы уже были въ устьяхъ Яны, въ трехъ верстахъ отъ океана, на притоцѣ Огонерь—Эсл, высадились на берегъ для отдыха и окончательнаго направленія лодки къ океаническому плаванію. Дорога наша прямо къ сѣверу затруднилась постоянными вѣтрами, но плыли мы довольно скоро и безъ особенныхъ приключеній. Тѣмъ не менѣе войти въ море намъ не удалось. 16 Юня насъ нагналъ помощникъ неправника съ 5 козаками, ихъ командиромъ и 20 Якутами. Всѣхъ насъ арестовали и вывѣстъ съ «Побѣжденной Королевой» (такъ мы послѣ назвали свою наусную лодку) повезли обратно вверхъ по теченію до поселка Козачьего. Здѣсь мы будемъ ждать до перваго зимняго пути, такъ какъ лѣтняго тракта до Верхоянска нѣтъ».

ЗЕМСКАЯ ПРОБЛЕМА.

III.

Елисаветградская записка о препятствіяхъ къ дѣятельности земства.

Въ Елисаветградскомъ земскомъ собраніи 1881 года была представлена однимъ изъ гласныхъ отдѣльная записка или докладъ о необходимости ходатайствовать передъ правительствомъ объ устраненіи нѣкоторыхъ условій, вредящихъ дѣятельности и успѣху земскихъ учреждений. По выслушаніи записки, собраніе, не входя въ подробное обсужденіе ея во всѣхъ частяхъ, но признавъ вопросы, затронутые ею, заслуживающими самаго серьезнаго вниманія, постановило: передать ее на разсмотрѣніе и обсужденіе губернскаго земскаго собранія.

Въ упомянутой запискѣ, между прочимъ, говорится, что прошло уже 16 лѣтъ со времени открытія земскихъ учреждений, срокъ вполнѣ достаточный, чтобы земскія учрежденія принесли должные, ожидаемые результаты и заняли въ общественной организаціи то почетное мѣсто, которое надлежитъ имъ имѣть. Но, не смотря на такой продолжительный срокъ, всякій долженъ сознаться, что земское дѣло не сдѣлало особенно замѣтнаго шага впередъ.

Многіе хорошіе дѣятели, увлекавшіеся вначалѣ земской дѣятельностью, начали по немногу отдаляться отъ неѣ. Чаше и чаше начинаютъ раздаваться жалобы на неудовлетворительность хода и развитія земскаго дѣла; жалобы на то, что налоги изъ года въ годъ увеличиваются и расходуются, не принося, повидимому, существенной пользы Россіи и населенію. Отъ всего этого земское дѣло утрачиваетъ свое значеніе, и лица, стоящіе близко къ нему, начинаютъ относиться къ вопросамъ, касающимся его, поверхностно. Несомнѣнно, что это охлажденіе къ земству зависитъ отчасти отъ того, что первоначально на него возлагались чрезвычайныя большія надежды, въ немъ видѣли и ожида-

ли рѣшенія такихъ дѣлъ, которыя фактически не предоставлены его вѣденію, но, не смотря на все это, кромѣ этихъ причинъ, въ неудовлетворительности земскаго дѣла кроются другія, болѣе существенныя и серьезныя.

Обязанности земства по «Положенію» состоятъ въ заботахъ о нуждахъ и пользахъ мѣстнаго населенія, въ случаѣ же невозможности удовлетворить эти нужды самостоятельно — ходатайствовать о нихъ передъ высшимъ правительствомъ. Такимъ образомъ, по первоначальному смыслу, земство является, какъ будто посредникомъ между правительствомъ и населеніемъ. Для исполненія возложенныхъ на земство обязанностей оно должно было хорошо и обстоятельно ознакомиться съ мѣстными нуждами населенія, имѣть право свободно и открыто высказываться о нихъ и, главное, пользоваться достаточнымъ довѣріемъ и авторитетностью у правительства.

Но такъ какъ большинство земскаго населенія составляетъ населеніе сельское, то по этому первоначальной работы земствъ и были направлены къ изслѣдованію нуждъ крестьянства. Представители земствъ, выскочивъ съ этимъ, хорошо понимали, что для удовлетворенія нуждъ населенія необходимо самое полное и тщательное знакомство и изученіе положенія населенія, такъ какъ отсутствіе этого знакомства могло повести къ тому, что нужды болѣе серьезныя остались неудовлетворенными, а менѣе важныя — исполненными.

Въ силу этихъ соображеній земству пришлось, на первыхъ же порахъ своей дѣятельности, обратиться къ сельскимъ и волостнымъ управленіямъ, во первыхъ, какъ къ ближайшимъ органамъ сельскаго населенія и, во вторыхъ, потому что и эти органы имѣли своей заботой и цѣлью также попеченіе о нуждахъ сельскаго населенія.

Но вначалѣ же земству пришлось убѣдиться въ полной несостоятельности и неудовлетворительности сельскихъ учреждений и по необходимости нужно было отыскивать другіе способы для улучшенія положенія сельскаго населенія. Но способовъ этихъ, однако, не нашлось или они не были представлены земству, и поэтому оно снова должно было обратиться къ тѣмъ же сельскимъ органамъ, не смотря на ихъ несостоятельность.

Понятно само собою, что все это не могло не отразиться вредно на успѣхѣ земской дѣятельности.

Такимъ образомъ, лучшее устройство сельскихъ учреждений является первой и одной изъ важныхъ потребностей для успѣха земскаго дѣла.

Помимо волостныхъ и сельскихъ управленій существуютъ въ земствѣ сельскіе гласные, которые могли бы способствовать земскому дѣлу, какъ сами выбранные изъ той же среды. Но дѣло въ томъ, что сельскіе гласные избираются не мѣстными сельскими обществами или волостями, а избирательными съѣздами, состоящими изъ лицъ, совершенно не знающихъ другъ друга, и представляющихъ обществу, находящемуся между собою на большомъ разстояніи; дѣлать какія либо уваженія выборнымъ съѣздамъ не имѣютъ права. Отъ этого происходитъ то, что гласные, заставля-

ице въ земствѣ и повидимому должествуящие знать потребности населенія, въ дѣйствительности ихъ вовсе не знаютъ. Для устранения этого необходимо избирать гласныхъ не на сѣздахъ, а по волостямъ и, кромѣ этого, сельскимъ обществамъ должно быть предоставлено право давать своимъ выборнымъ инструкціи или указанія, для чего и должно быть допущено, при выборахъ гласныхъ, обсужденіе вопросовъ, предстоящихъ рѣшенію земскихъ собраний. Наконецъ, нужно рассмотреть, въ какое отношеніе было поставлено земство къ правительственной власти и пользовалось ли ея довѣріемъ. Самый лучший въ этомъ отношеніи отвѣтъ могутъ дать различныя дополнительныя законоположенія, изданныя уже послѣ введенія земскихъ учреждений. Мы постараемся ихъ перечислить, по крайней мѣрѣ выдающіеся изъ нихъ.

Законъ 21 ноября 1867 года, ограничивающій право земства облагать сборами торговли и промышленныя заведенія. На сколько этотъ законъ вреденъ для земства, въ смыслѣ заботы его о пользахъ населенія, лучше всего характеризуетъ та неравномѣрность обложенія, которая существуетъ между торговлей и сельскимъ населеніемъ. Что касается до справедливости изданія этого закона, то она лучше всего видна изъ доклада Петербургской земской управы, 3 января 1867 года. Управа говоритъ между прочимъ, что, издавая такой законъ, правительство выслушало одностороннее мнѣніе высшей администраціи. Потому, что не могло быть причины къ ограниченію земскихъ правъ въ дѣлѣ обложенія и торговли, такъ какъ на несправедливость земскихъ въ этомъ отношеніи раскладокъ, жалобъ не поступало. § 11 этого закона предписываетъ при обложеніи торговли и промышленности земскими сборами ставить въ основаніе только цѣнность помѣщенія, не касаясь цѣнности и доходности самого промысла; параграфъ этотъ совершенно противорѣчитъ 9 и 10 статьямъ временныхъ правилъ о земскихъ учрежденіяхъ. Далѣе докладъ управы говоритъ, что ставить торговлю и промышленность въ исключительныя условія — далеко несправедливо, — что сельская земельная промышленность находится вездѣ въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ торговля, — что, благодаря этому закону, все земскія тяжесты въ отношеніи налоговъ по необходимости должны были упасть на одно сельское населеніе, что совершенно несправедливо. Сельское населеніе и безъ того уже несетъ слишкомъ много тягостей. Выслушавъ докладъ управы и всесторонне обсудивъ дѣло, собраніе постановило: войти съ ходатайствомъ къ правительству объ отмѣнѣ закона 21 ноября 1866 года. Постановляя о подачѣ ходатайства, докладъ между прочимъ говорилъ, что до настоящаго времени на ходатайства земства не обращается никакого вниманія, что они задерживаются и остаются безъ всякихъ разрѣшеній и отвѣтовъ по единоличной власти министра, потому докладъ полагалъ необходимымъ для успѣховъ земства представить въ сенатъ жалобу на министра внутреннихъ дѣлъ. Результатомъ всего этого было, какъ извѣстно, временное закрытіе земскихъ учреждений въ Петербургской губерніи.

Статья 43 пол. о зем. учред. говоритъ

объ обязательномъ предсѣдательствѣ въ земскихъ собраніяхъ предводителя дворянства. Къ дополненію этой статьи 13 іюля 1867 года, была издана инструкція, по которой предсѣдателямъ уже предоставлялось право: лишать гласныхъ слова и права голоса, не допускать къ обсужденію въ собраніи вопросовъ, которые онъ найдетъ по своему усмотрѣнію но чему либо несогласными съ законами и, наконецъ, даже право закрытія земскихъ собраний. Въ заключеніе этотъ законъ добавляетъ, что при незакрытіи собранія, въ которомъ были поставлены для обсужденія вопросы, несогласные съ законами, предсѣдатель подвергается наказанію по статьѣ 64 улож. о наказ. Какъ видите, права слишкомъ обширныя и неисполненіе ихъ влечетъ за собой наказаніе. Принявъ же во вниманіе, что предсѣдатели не избираются земствомъ, а суть представители одного сословія; потому, какъ всякій человѣкъ, способный ошибаться, особенно при эластичности нѣкоторыхъ нашихъ законовъ, принявъ во вниманіе, что, наконецъ, нельзя уже совершенно отрицать возможности въ предсѣдателяхъ непріязни къ земству или преобладанія сословныхъ интересовъ, — будетъ совершенно ясно это ограниченіе земства и значеніе приведенной инструкціи. Практика земства, за 16 лѣтъ постоянно иллюстрированная злоупотребленіями предсѣдателей, также вполне ясно указываетъ значеніе этого закона для земства. Допустивъ даже предсѣдательство людей вполне образцовыхъ, и тутъ этотъ законъ можетъ выразиться въ стѣснительномъ смыслѣ для собранія. Гласные, боясь подвести уважаемаго предсѣдателя подъ наказаніе за незакрытіе собранія, по необходимости сдерживаются въ своихъ сужденіяхъ и предложеніяхъ, отчего земскія собранія терпятъ уже въ значительной степени свою гласность, отчего, разумѣется, и свободное обсужденіе дѣлъ невозможно.

8 октября 1868 года, по циркулилу министра, отчеты земскихъ управъ могутъ быть печатаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія губернаторовъ и въ определенномъ, ограниченномъ количествѣ. Что же касается опубликованія преній и сужденій въ земскихъ собраніяхъ, то такъ какъ, по закону, земствамъ не предоставлено права публиковать ихъ гдѣ либо, то и печатаніе ихъ можетъ быть допущено въ исключительныхъ только случаяхъ, въ видѣ изыятія и не иначе, какъ съ особаго дозволенія начальника губерніи. Если къ этому прибавить еще воспрещеніе взаимныхъ между земствами сношеній, то будетъ понятно, на сколько такое положеніе вредитъ успѣху земскаго дѣла.

30 Мая 1866 г. запрещено зем. собраніямъ выдавать гласнымъ пособия на поѣздки въ земскія собранія. Такое запрещеніе само собою стѣсняетъ выборъ и дозволяетъ сельскимъ обществамъ выбирать въ гласные только лицъ состоятельныхъ.

Наконецъ, нельзя не упомянуть о законоположеніяхъ 4 іюня, 19 августа и 26 сентября 1879 года.

Закономъ 4 іюня дозволяется имѣть въ школахъ учителей не иначе, какъ съ дозволенія и одобренія учебнаго начальства, хотя бы эти учителя и имѣли уже законное право на преподаваніе въ школахъ.

Закономъ 19 августа дано право губернаторамъ удалять отъ исполненія служебныхъ обязанностей членовъ земскихъ управъ, выбранныхъ собраніемъ, въ томъ случаѣ, если онъ признаетъ ихъ почему либо неблагонадежными *).

По закону 26 сентября губернаторы, представляя списки выборныхъ въ мировые суды лицъ, вмѣстѣ съ этимъ должны дѣлать свои замѣчанія о нравственныхъ качествахъ этихъ лицъ и ихъ благонадежности.

Не говоря уже о правѣ губернаторовъ въ отношеніи примѣненія административныхъ ссылокъ, неоднократно уже практиковавшихся въ земствѣ и имѣющихъ подавляющее значеніе на земскихъ дѣятелей, если прибавить къ этому законъ 1874 года о народныхъ школахъ и рядъ циркуляровъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія, которыми роль земства въ дѣлѣ народнаго образованія совершенно служена, то отвѣтъ на поставленный выше вопросъ объ отношеніяхъ правительства къ земству будетъ вполне ясенъ.

Въ заключеніе докладъ говоритъ, что при настоящихъ условіяхъ земскія учрежденія не могутъ выполнять всѣхъ лежащихъ на нихъ обязанностей, а потому признаетъ нужнымъ ходатайствовать предъ правительствомъ о нѣжестѣдующемъ:

1) О реорганизаціи волостныхъ и сельскихъ управленій; при чемъ земскія учрежденія и управленія должны имѣть между собою органическую связь.

2) Объ измѣненіи порядка выбора гласныхъ.

3) О правѣ избирателей давать инструкціи и о разрѣшеніи на избирательныхъ сѣздахъ обсуждать тѣ вопросы, которые могутъ быть разсматриваемы въ земскихъ собраніяхъ.

4) Объ измѣненіи 43 ст. пол. о земскихъ учред. въ томъ смыслѣ, чтобы избраніе предсѣдателя было предоставлено самимъ собраніямъ.

5) Объ измѣненіи инструкцій 13 іюня 1867 г., при чемъ пункты 6, 7, 9 и 19 должны быть отняты и ответственность за нарушеніе закона возлагается на каждого лично.

6) Объ отмѣнѣ закона 21 ноября 1866 г.

7) Объ изыятіи всѣхъ земскихъ отчетовъ и докладовъ земскихъ управъ отъ предварительной цензуры и о разрѣшеніи повременнымъ изданіямъ печатать все пренія и постановленія земскихъ собраний безъ предварительнаго разрѣшенія губернаторовъ.

8) Объ отмѣнѣ узаконеній 4 іюня и 26 сентября 1879 года.

9) О разрѣшеніи земскимъ управамъ взаимныхъ между собою сношеній по всѣмъ отраслямъ земскаго хозяйства.

10) Объ измѣненіи положенія 1874 г. о начальныхъ школахъ и о предоставленіи земскимъ учрежденіямъ большей самостоятельности въ дѣлѣ народнаго образованія.

и 11) Объ отмѣнѣ права административной ссылки для всѣхъ членовъ земскихъ учреждений.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВОЙНЫ ЧИНОВНИЧЕСТВА СЪ ЗЕМСТВОМЪ.

IV.

Одной изъ существенныхъ несправедливостей самого Положенія 1864 г. было при-

*) 8 Іюля 1880 г. законъ этотъ, впрочемъ, отмененъ.

ложенное к нему росписание числа гласных от разных сословий. По этому росписанию самая крупная земская сила, крестьянство, оказалось обиженным в пользу сравнительно незначительного количества крупных землевладельцев. В пользу этого росписания, в принципе подрывающего основу равноправности, выставилось опасение, что представители крестьянских общин, не достаточно развитые для ведения земского дела, будут злоупотреблять своею численностию в ущерб другим общественным элементам. Вследствие такого и подобных соображений случилось следующее.

В восьми центральных губерниях личные собственники, представлявшие число 93.900 человек с земельной собственностью 119.880 кв. верст, имѣютъ 1.817 гласныхъ, тогда какъ крестьянское население, составляющее 5.800.000 с 181.440 кв., верстъ земли, имѣли всего 1597 человекъ представителей. Между темъ мотивы, которые вызвали такое распределение земского представительства, вытекли только изъ узкосословныхъ стремлений придворной аристократии да изъ бюрократического незнакомства съ нашимъ действительнымъ крестьянствомъ и изъ совершенно книжныхъ чиновническихъ страховъ передъ чернью и недовѣрія къ пей. Дальнейшая практика земской деятельности вполне показала неосновательность подобныхъ опасений. Крестьянство на первыхъ порахъ, собственно при выборахъ, если и попадало ложныхъ шаговъ, то скорѣе въ ущербъ себѣ, а ничуть не съ цѣлью эксплуатацин чужихъ интересовъ. Въ некоторыхъ случаяхъ оно, не зная существующихъ образомъ значенія земскихъ учреждений, круга ихъ деятельности, предполагая, что, какъ вездѣ, и тамъ придется не разсуждать о себѣ, а по привычкѣ отгрызаться, отдуваться своею шкурой, повибрало людей зубастыхъ, крѣпкихъ кармановъ, кулаковъ. Но это было только на первыхъ порахъ. Потомъ, когда крестьянство поняло суть дела, оно послало своихъ лучшихъ людей, «разумниковъ», «радетелей» мірскаго блага, не обращая уже вниманія на толщину кармановъ или другія подобнаго качества достоинства. Практика земства показала, что общинное представительство относилось вездѣ расчетливѣе и экономнѣе къ земскимъ капиталамъ, какъ, впрочемъ, и быть должно: кто самъ бѣдитъ, кто самъ испытываетъ лишения и нужду, у кого жизнь — непрерывный трудъ и расчетливость, тотъ и съ вѣренными ему деньгами будетъ расчетливъ и экономенъ. Что касается сословной розни и будто бы непремѣннаго озлобления крестьянъ противъ высшихъ классовъ, то хотя такое предположение и имѣетъ свои основанія, но и оно рѣшительно противорѣчитъ русскому народному характеру. Нашему крестьянину некогда думать о мщеніи или о чемъ либо въ этомъ родѣ. Крестьянскіе гласные проявляли повсюду большую скромность и, когда дело шло объ экономіи, то начинали се прежде всего съ самихъ себя. Такъ, напр., на бугуминскомъ земскомъ собраніи крестьяне членамъ управы, выбраннымъ изъ ихъ среды, назначили жалованіе вдвое менѣе, чѣмъ такимъ же членамъ изъ дворянъ. Также точно крестьяне вовсе не старались замѣ-

щать должности членовъ управы непременно лицами своего сословія. Крестьяне, напротивъ, всегда старались большинство на эти должности выбирать изъ болѣе образованныхъ людей, т. е. по необходимости изъ владѣльческихъ представителей; изъ 3-хъ членовъ они выбирали 2-хъ дворянъ и одного своего. Въ старо-русскомъ, напримѣръ, собраніи, хотя большинство гласныхъ были крестьяне, тѣмъ не менѣе на должность въ члены управы они старались выбирать дворянъ. Если дѣйствительно на первыхъ порахъ кой-гдѣ и являлись проблески сословной розни, то они исходили ни чуть не отъ крестьянъ, а скорѣе отъ дворянъ. Въ солигаличскомъ собраніи, при такомъ же преобладаніи крестьянъ, выбрали въ члены управы по необходимости однихъ купцовъ, но это произошло по слѣдующей причинѣ. При опредѣленіи оклада жалованія членамъ управы, дворяне требовали изъ назначенія большаго вознагражденія, между тѣмъ не-дворяне находили возможнымъ опредѣлить окладъ поменьше; дело подвергнуто было баллотировкѣ, но, такъ какъ дворянъ было всего семь представителей, а не-дворянъ десять, и слѣдовательно перевѣсъ былъ на сторонѣ послѣднихъ, то и опредѣленъ былъ окладъ меньшій. Тогда гласные дворяне, оскорбленные неудачей своего предложенія, отказались баллотироваться въ члены управы, отчего по необходимости и были выбраны купцы. Или вотъ еще совершенно однородный фактъ въ макарьевскомъ уѣздномъ собраніи: тамъ баллотировались въ председатели управы предводители дворянства, но были забаллотированы; тогда остальные присутствующіе дворяне, уязвленные этимъ фактомъ, совершенно отказались отъ баллотировки. Вследствие этого собраніе принуждено было выбрать въ управу взаимнѣе обязательныхъ 3-хъ членовъ только двухъ. Даже случившееся по мѣстамъ преобладаніе въ собраніяхъ гласныхъ крестьянъ происходило иногда благодаря сословному духу самихъ дворянъ и ихъ нерасположенію къ новымъ учреждениямъ. Напримѣръ, въ первомъ повознесенскомъ земскомъ собраніи большинство гласныхъ оказались крестьяне, но вовсе не отъ намѣреннаго желанія крестьянъ преобладать, а исключительно потому, что на выборы гласныхъ отъ землевладельцевъ не явилось ни одного дворянина. Всѣ эти факты ясно указываютъ, что обдѣленіе крестьянъ въ числѣ представителей не имѣло существенныхъ основаній и было рѣшительно не справедливо. Составители Положенія упустили изъ виду, что даже при количественной равноправности въ земскомъ представительствѣ крестьянъ и привилегированныхъ классовъ послѣдніе всегда будутъ имѣть перевѣсъ и большую силу за собой.

Сила крестьянства въ земскихъ учрежденияхъ сама собою умалилась тѣмъ, что оно никогда не могло противопоставить привилегированнымъ классамъ людей, однаково сильныхъ по знанію и развитію. Если бы сказанному прибавить, что вліяніе и вѣзденіе многочисленныхъ административныхъ властей: неправниковъ, посредниковъ, становыхъ, а также волостнаго начальства должно было дѣйствовать въ пользу помѣщичьяго класса, то мы поймемъ, почему обдѣленное въ самомъ расчетѣ числа гласныхъ крестьянское сословіе должно было утратить чуть

не половину своего, по праву принадлежащаго ему представительства.

Чтобъ не возвращаться въ будущемъ къ вопросу о косвенномъ пачальственномъ вліяніи при крестьянскихъ выборахъ мы должны сказать, что это вліяніе практиковалось и будетъ практиковаться, пока не будутъ уважены настоятельныя ходатайства многихъ земствъ о недопущеніи къ выбору и воспрещеніи баллотировки въ земскіе гласные различныхъ должностныхъ лицъ въ волостныхъ правленіяхъ, а также о совершенномъ устраненіи неправниковъ, посредниковъ и т. п. пачальствующихъ лицъ отъ какого бы то ни было участія при выборахъ, даже еслибы это участіе выражалось однимъ присутствіемъ и контролемъ. Земскія ходатайства въ этомъ направленіи имѣютъ серьезныя, фактическія основанія. Не смотря на то, что множество проявленій пачальственного давленія на выборы, а иногда просто насилій, не доходятъ до печати, мы, просматривая журналы и газеты, постоянно натываемся на сообщенія приблизительно слѣдующаго характера: «При выборахъ мы были свидѣтелями такихъ печальныхъ сценъ, такихъ выходовъ и пріемовъ, которые отнимаютъ всякую возможность возлагать какія либо серьезныя надежды на будущіхъ земскихъ гласныхъ. Мы были свидѣтелями разныхъ интригъ, сплетенъ, застращиваній, допущенія на выборы лицъ, не имѣющихъ этого права, и тому подобныхъ пріемовъ, послѣ которыхъ неграмотная, занушенная масса избирать того, кого пожелаютъ власти. Дело доходить до того, что полицейскіе чины являются на избирательные сѣзды и угрожаютъ избирателямъ ротою солдатъ. Мирные посредники при всѣхъ этихъ манипуляціяхъ играютъ главную роль. Составъ земскаго собранія этими средствами подбирается такой, какой требуется въ интересахъ лишь власти имѣющихъ».

Земскія собранія отлично знаютъ такого рода явленія и понимаютъ, на сколько эти послѣдніе роняютъ достоинство земства. Они безустанно ходатайствуютъ въ вышеназженномъ смыслѣ. Но не смотря на серьезность ходатайствъ этихъ, на ихъ принципиальную справедливость, не смотря на то, что они исходятъ отъ разныхъ земствъ и не умолкаютъ болѣе десяти лѣтъ, они все же остаются неудовлетворительными. Еще въ 1881 г. отклонены были ходатайства по этому же вопросу новгородскаго, горбатовскаго, смоленскаго и тверскаго земства. Правительствомъ, очевидно, не хочетъ сознаться въ неадекватности и недобросовѣстности своихъ собственныхъ, хотя бы и низшихъ агентовъ.

Ослабивъ несправедливымъ распределеніемъ количества гласныхъ между сословіями представительство наиболѣе многочисленной и наиболѣе заинтересованной въ дѣлахъ земскихъ учреждений части населенія и поставивъ выборы представителей ея подъ давленіе агентовъ администраціи, правительство въ то же время относител. отрицательно ко всѣмъ стараніямъ земскихъ собраній къ очищенію и къ возвышенію ихъ личнаго состава.

Къ разряду земскихъ ходатайствъ, имѣвшихъ въ виду послѣднюю цѣль, нужно отнести вопросъ о недопущеніи въ собранія гласныхъ, за которыми числятся значи-

тельная недоимка по земскому сбору. Ходатайство это основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ *): недоимки земскихъ сборовъ составляютъ одно изъ самыхъ большихъ мѣстъ земскаго хозяйства: онѣ часто состоятъ за людьми богатыми, за крупными землевладѣльцами, имѣющими въ земскихъ собраніяхъ значительное вліяніе. Недоимки допускаютъ быть представителями земствъ такихъ людей, которые, не будучи ничѣмъ заинтересованы въ бережливомъ расходованіи земскихъ суммъ и въ установленіи налоговъ, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣютъ огромное вліяніе на дѣло; между тѣмъ только тотъ долженъ участвовать въ распоряженіи общественной кассой, кто участвуетъ въ ея составленіи, а сознание необходимости точнаго и аккуратнаго исполненія своихъ общественныхъ повинностей должно составлять одно изъ главныхъ качествъ общественнаго дѣятеля. Кромѣ этого, въ нѣкоторыхъ случаяхъ присутствіе въ числѣ гласныхъ лицъ, состоящихъ должниками земства въ отношеніи платежа земскихъ повинностей, могло оказывать вліяніе на постановленія собранія, хотя бы по вопросу объ изысканіи принудительныхъ способовъ и мѣръ къ своевременной уплатѣ земскихъ повинностей. Ходатайство это было оставлено безъ послѣдствій, какъ другія такого же рода отъ разныхъ земствъ. Одно изъ позднѣйшихъ ходатайствъ по этому вопросу принадлежало лужскому земству, которое, не удовлетворившись отказомъ на него, снова вошло съ нимъ уже въ петербургское губернское собраніе, прося о повомъ представленіи этого ходатайства отъ имени губерніи. Владимірское собраніе также ходатайствовало въ 1880 году о недопущеніи къ выбору въ гласные землевладѣльцевъ, за которыми состоитъ недоимка въ размѣрѣ не менѣе годоваго оклада. Тогда же было возбуждено однородное ходатайство земствами: княгининскимъ (Нижегородской губерніи), скатеринпославскимъ, костромскимъ, бринскимъ, шацкимъ. Всѣ они были отклонены правительствомъ. Последнее тѣмъ болѣе странно, что въ Городовомъ Положеніи, изданномъ послѣ земскаго и регулирующаго учрежденія совершенно аналогическія съ земскими и имѣющія съ послѣдними близкую связь, недоимщики устранены отъ права быть гласными (ст. 17, п. 4). Ищите послѣ этого логики въ русскомъ законодательствѣ! Подобное же основаніе, т. е. желаніе оградить себя отъ всякихъ косвенныхъ вліяній, а тѣмъ болѣе отъ возможныхъ черезъ то злоупотребленій, послужило причиной ходатайствъ также многихъ земствъ о запрещеніи лицамъ, находящимся на службѣ земства, а также состоящимъ гласными, принимать на себя различные земскіе подряды, поставки и пр. Отдавая такимъ лицамъ земскіе подряды и поставки, управа, хотя и могла поступать совершенно справедливо и честно, но тѣмъ не менѣе это обстоятельство могло дать поводъ къ ложнымъ нареканіямъ и вообще дискредитировать земство. Постановленіе о ходатайствѣ о недопущеніи земскихъ гласныхъ къ торгамъ гороховецкое земство мотивировало еще тѣмъ, что постановленіями собра-

ній прежнихъ сессій гласнымъ вмѣнено въ обязанность присутствовать при производствѣ торговъ, а затѣмъ наблюдать за точнымъ и правильнымъ исполненіемъ принятыхъ подрядчиками обязанностей. Отклоненіе всѣхъ вышеказанныхъ ходатайствъ тѣмъ болѣе странно, что они не только не подрываютъ смысла Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, но скорѣе развиваютъ его. Кромѣ этого, по отношенію къ ходатайствамъ о недопущеніи въ гласные волостнаго начальства, а также лицъ, за которыми земству числятся недоимки, въ дѣйствіяхъ правительства мы видимъ положительное противорѣчіе. По разъясненію сената отъ 18 апрѣля 1866 года, члены управы и председатели, а также и гласные, оставшіе это званіе, какъ сказано, по собственному желанію (?), т. е., напримѣръ, выбравшіе въ мировые судьи, теряютъ уже право быть до новыхъ выборовъ губернскими и уѣздными гласными, между тѣмъ волостнымъ начальникамъ и судьямъ, точно также выборнымъ, это разрѣшено. Вышеупомянутое же устраненіе скорѣе всего должно бы было имѣть мѣсто по отношенію послѣднихъ. Волостныя начальства, какъ низшіе органы, подчиненные самымъ разнообразнымъ административнымъ органамъ, какъ, наконецъ, представляющіе гораздо меньшую степень развитія, по существу своему несомнѣнно представляютъ болѣе воспріимчивую почву для стороннихъ давленій и вліяній, чѣмъ независимые мировые судьи, получившіе высшее образованіе. Законъ распоряжается какъ разъ въ обратномъ смыслѣ, и въ данномъ случаѣ какъ будто благопріятствуетъ крестьянскому, — а на самомъ дѣлѣ полицейскому элементу, передъ крупно-землевладѣльческимъ, — въ данномъ случаѣ волиѣ общественнымъ элементомъ. А между тѣмъ разрѣшеніе мировымъ судьямъ участвовать въ земскихъ собраніяхъ было бы чрезвычайно полезно и съ чисто дѣловой точки зрѣнія. Они, какъ живущіе въ центрахъ уѣздовъ, имѣющіе постоянное общеніе съ населеніемъ, больше другихъ могутъ быть знакомы съ его положеніемъ и нуждами. Въ этомъ направленіи даже проходили ходатайства. Курское земское собраніе, по случаю избранія одного гласнаго въ мировые судьи, ходатайствовало въ 1879 году, объ отмѣнѣ разъясненія въ указѣ правительствующаго сената отъ 18 апрѣля 1866 года за № 21.068, «устанавливающаго для земства такое стѣснительное правило, лишающее его весьма полезныхъ и опытныхъ дѣятелей безъ всякой видимой къ тому причины и необходимости». Ходатайство, разумѣется, отклонено. Въ какое положеніе ставить земскихъ представителей вышеуказанное, будто бы демократическое, преимущество, оказываемое сельскимъ должностнымъ лицамъ передъ мировыми судьями, видно будетъ изъ слѣдующаго: пріѣзжаетъ для присутствованія въ земскомъ собраніи смоленскій гласный Рогоновъ, въ то же время и членъ какого-то волостнаго правленія; тотчасъ же мѣстный исправникъ засаживаетъ его въ кутузку за какое то будто неправильное взиманіе налоговъ, — т. е. земскій гласный, выборный, за котораго отвѣчаетъ все общество, арестуется самовластно, безъ суда и слѣдствія, насмнымъ исправникомъ, живущимъ и существующимъ на средства то-

го же земства, въ которомъ этотъ гласный равноправно съ другими распоряжается земскими деньгами и другими отраслями обширнаго земскаго самоуправленія. По поводу этого факта смоленское земство постановило: 1) Ходатайствовать у смоленскаго губернатора о немедленномъ освобожденіи гласнаго Рогонова отъ ареста, наложеннаго на него въ административномъ порядкѣ и 2) ходатайствовать о томъ, чтобы губернскіе и уѣздные гласные, принадлежащіе къ крестьянскимъ сословіямъ и волостнымъ управленіямъ были освобождены отъ личныхъ взысканій единолично исправниковъ, а чтобы таковыя взысканія налагались не иначе, какъ по коллегіальнымъ постановленіямъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Первое ходатайство было уважено, т. е. гласный былъ освобожденъ изъ подъ ареста, второе же, само собою, кануло въ вѣчность. Что фактъ этотъ не единичный, это доказывается тѣмъ, что такое же ходатайство послѣдовало и отъ таврическаго земства. Само собою, что и послѣднее имѣло какія нибудь фактическія основанія для возбужденія такого ходатайства. Таврическое земство постановило: въ виду того, что многіе старшины и старосты волостныхъ собраній состоятъ гласными, ходатайствовать, чтобы гласные земскихъ собраній все время этихъ собраній не подвергались личному задержанію административнымъ порядкомъ. Ходатайство это тоже осталось безъ послѣдствій.

Чтобы закончить изображеніе крупнѣйшихъ изъ крючковъ, какими бюрократія старалась не только отдалить составъ земскихъ собраній отъ какого либо соответствія даже тому идеалу, какой былъ поставленъ въ общихъ формулахъ Положенія 1864 г., но и унижить значеніе земскихъ учреждений, — мы обратимся теперь къ крючкамъ, результатомъ которыхъ должны были быть примѣры невозможности открытія или продолженія земскихъ собраній, по отсутствію законнаго числа наличныхъ гласныхъ. Извѣстно, что примѣры эти весьма многочисленны, — и часто, особенно въ послѣдніе годы, когда въ офиціозныхъ кругахъ появились толки о полномъ упраздненіи даже реформъ прошлаго царствованія, — примѣры эти эксплуатируются противъ земскихъ учреждений.

Конечно, причины неоткрытія или закрытія земскихъ собраній, — по большей части губернскихъ, — вслѣдствіе отсутствія достаточнаго числа гласныхъ, довольно разнообразны и между ними играетъ важную роль и охлажденіе общества къ земскому дѣлу, волиѣ понятное при тѣхъ условіяхъ, въ какія бюрократія его поставила. Но есть и другія причины, совершенно прямо порожденные тою же бюрократіей. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаетъ фактическое устраненіе крестьянскихъ гласныхъ изъ губернскихъ земскихъ собраній посредствомъ циркуляра отъ 30 мая 1866 г. Этотъ циркуляръ говоритъ, что въ смѣты земскихъ повинностей не долженъ быть вносимъ никакаго расходъ въ пользу земскихъ гласныхъ. Компетентные земскіе гласные говорятъ, что, еслибы этотъ законъ не существовалъ или былъ бы отмѣненъ, еслибы земскимъ собраніямъ было дано право опредѣлять гласнымъ суточные и проѣздныя деньги, тогда можно бы было съ

*) Рязанское земское собраніе.

увѣренностью сказать, что собраніе всегда состоится. Хорошо разбѣзжать богатымъ людямъ, но каково крестьянину, челоѣку не рѣдко бѣдному, ѣхать иногда за сотню и болѣе верстъ, на двѣ-три пѣшли, оставлять свое хозяйство? Сколько пшбудъ знакомому съ экономическимъ положеніемъ и ходомъ хозяйства нашихъ крестьянъ, пѣтъ нужды и рассказывать о томъ, какъ тяжела для крестьянина такая пѣздка.

Впрочемъ, къ упомянутому закону 30 малъ есть добавленіе, въ которомъ говорится, что общество, избравшее отъ себя гласнаго можетъ опредѣлить ему пособіе. Слѣдовательно все зависить отъ общества и гласные вовсе не лишены слѣдуемой помощи. Но объ этомъ добавленіи не знаешь, что и сказать, чего въ немъ больше, глупости, невѣжества или крайней безцеремонности въ обращеніи съ общественнымъ сознаниемъ. Дѣло въ томъ, что гласные выбираютъ не обществами, а съѣздами выборныхъ отъ разныхъ обществъ и, являясь гласными, они служатъ представительствомъ этихъ многихъ обществъ. Между тѣмъ съѣздамъ избирательнымъ положительно воспрещено дѣлать какія бы то ни было постановленія, а тѣмъ болѣе расходы, да впрочемъ съѣзды для расходовъ и суммъ не имѣютъ. Тутъ, извольте понять, слѣдовательно, гласному предоставляется право объѣздить общества, отъ которыхъ присутствовалъ на съѣздѣ выборные и, поклонившись въ ноги, просить, не будетъ ли вашей милости на расходы. Другаго средства не остается. Въ частности обществу, выборнымъ котораго онъ явился на избирательный съѣздъ, а не въ земское собраніе, пѣтъ никакого резона принимать общій расходъ прямо на себя. Спрашивается, зачѣмъ же сдѣлано приведенное выше добавленіе?!

Обращаясь снова къ вопросу о неяскахъ законнаго числа гласныхъ на собранія, мы должны сказать, что явленіе это въ значительной степени зависить также и отъ крайне ограниченаго во многихъ земствахъ числа гласныхъ. Оять такъ, какими основаніями руководились составители Положенія при сочиненіи вѣдомости о числѣ гласныхъ по разнымъ земствамъ, —мы не можемъ понять, такъ какъ это число по разнымъ губерніямъ не соответствуетъ ни ихъ пространству, ни населенію.

Слѣдующая таблица вполне докажетъ это:

Названіе губерній.	Число губ. глас. уѣздн. гласн.	Число уѣздн. гласн.	Пространство кв. в. вер.	Число жителей
Полтавская	100	627	43,844	2,102,614
Вятская	35	333	134,538	2,406,024
Орловская	88	539	41,059	1,596,881
Тульская	72	379	27,210	1,167,878
Херсонская	78	386	62,637	1,596,809
Пермская	51	302	291,872	2,198,666

Если же просматривать частныя распределенія числа гласныхъ по уѣздамъ, то зачастую приходится наталкиваться на такіе несообразности, что для двухъ уѣздовъ одной и той же губерніи съ одинаковымъ населеніемъ и пространствомъ, можно встѣпить въ одномъ число гласныхъ 70—80 челоѣкъ — въ другомъ же 12—14. Понятно, что, увеличивъ число гласныхъ въ пѣкоторыхъ отдѣльных мѣстностяхъ до нужнаго количества, но соображеніямъ самихъ земствъ, и въ то же время уменьшивъ чрезмѣрное число ($\frac{2}{3}$) необходимое для дѣйствительности собранія,

число фактовъ неосуществившихся или преждевременно закрытыхъ собраній уменьшается само собой. Двѣнадцать или даже четырнадцать гласныхъ для уѣзда чрезвычайно мало и недостаточно. Законное число гласныхъ, при которомъ можетъ состояться засѣданіе, $\frac{2}{3}$ всѣхъ гласныхъ, слѣдовательно, не явится только 3 гласныхъ — и собраніе не состоится. Подобное же обстоятельство всегда и вездѣ возможно, безъ всякихъ стороннихъ причинъ и вліяній, а дѣйствительно по независимымъ, что называется, обстоятельствамъ. Коротоякская (Воронежск. губерніи) управа въ докладѣ своемъ прямо говоритъ: «число гласныхъ уѣзднаго собранія только 12, между тѣмъ и по пространству и по населенности онъ не уступаетъ большинству уѣздовъ, въ которыхъ гласныхъ отъ 40 до 70 челоѣкъ. Стоить не прибыть 3 гласнымъ и оно можетъ не состояться; собраніе (вслѣдствіе циркуляра 13 февраля 1868 года) не вырѣвъ приглашать кандидатовъ, даже если гласные систематически уклоняются отъ посѣщенія собраній. Всѣ эти соображенія по порученію собранія были представлены воронежскому губернатору; пѣтъ полученъ отвѣтъ, что желаніе собранія не можетъ быть удовлетворено, какъ по силѣ циркуляра за № 28, такъ и въ виду того, что нельзя заранее опредѣлить, кто изъ гласныхъ явится въ собраніе и кто будетъ отсутствовать. Въ виду отклоненія ходатайства о назначеніи кандидатовъ къ исполненію обязанности явившихся гласныхъ, собраніе постановило ходатайствовать объ увеличеніи общаго числа гласныхъ (76 г.). Однородныя ходатайства были съ самаго начала земскихъ учрежденій отъ многихъ земствъ. Нѣкоторые даже, поставивъ въ невозможность правильнаго управленія земскаго дѣла по ограниченному числу гласныхъ, ходатайства свои возобновляли, какъ, напр., пинскельбургское земство, но всѣ эти ходатайства, разумѣется, не имѣли послѣдствій. Между тѣмъ увеличеніе опредѣленнаго числа гласныхъ въ пѣкоторыхъ земствахъ, а также уменьшеніе нормы $\frac{2}{3}$ обязательнаго количества для дѣйствительности собраній или, при оставленіи этой нормы, допущеніе кандидатовъ не только не представляетъ затрудненій или какихъ либо принципиальныхъ несообразностей, но, представляясь рѣшительно необходимымъ для управленія земствами ихъ чисто дѣловыхъ обязанностей, не заключаетъ въ себя ничего противнаго политическимъ видамъ правительства. Чѣмъ же руководствуется послѣднее, отказывая земствамъ въ ихъ ходатайствахъ по этому вопросу, — какъ не рѣшительнымъ нежеланіемъ правильнаго хода земства и желаніемъ имѣть поводъ дискредитировать само же земство!?

3. С.

ПОЛЬСКИЙ ПРОЗЪКЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ.

Русская Имперія. Польскій взглядъ на русскіе государственные вопросы. Berlin. 1882.

Вопросъ о политической свободѣ и радикальномъ преобразованіи государственнаго строя въ Россіи до настоящаго времени былъ обсуждаемъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ, только представителями болѣе или менѣе крайнихъ направленій въ

русскомъ обществѣ, начиная съ социалистовъ и кончая болѣе либеральными фракціями нашей земской оппозиціи. Наконецъ, въ послѣднее время реакціонныя успія правительства достигли того, что, заговорили о радикальныхъ реформахъ даже и наши настоящіе консерваторы. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересное и довольно поучительное явленіе представляетъ собой книга, заглавіе которой выписано нами выше. Будучи написана авторомъ, который самъ заявляетъ о себѣ, что онъ «польскій дворянинъ и русскій подданный», консервативнѣйшаго и лѣваго образа мыслей, книга эта занимаетъ въ себѣ достаточно добросовѣстную и во многихъ отношеніяхъ вполне вѣрную и безошибочную критику современнаго русскаго государственнаго строя и цѣль, довольно подробно разобранный, прозѣтъ преобразования этого строя на новыхъ, если не особенно демократическихъ, то, во всякомъ случаѣ, широко конституціонныхъ началахъ. Представляя собою «польскій взглядъ на русскіе государственные вопросы», книга эта интересна еще и въ томъ отношеніи, что авторъ ся, благодаря своей національности, не могъ пройти мимо тѣхъ вопросовъ, которые сплошь и рядомъ пропускаются авторами, принадлежащими къ господствующей въ Россіи національности, то просто по привычкѣ къ официально-бюрократическимъ воззрѣніямъ, то по той же привычкѣ, по подлѣ прикрываемъ космополитизма. Мы говорили о политической децентрализаци и о признаніи національныхъ правъ за каждымъ изъ народовъ, входящихъ въ составъ русской имперіи. Вообще же эта книга, являясь выраженіемъ консервативнаго конституціонализма на русской почвѣ, очень интересна еще и потому, что она показываетъ, хотя отчасти, тѣ принципы и стремленія, которыхъ нельзя не имѣть въ виду каждому, думающему о политическомъ переустройствѣ Россіи и съ которыми придется такъ или иначе считаться всѣмъ, надѣющимся на то, что, съ водвореніемъ политической свободы въ Россіи, откроется извѣстный просторъ для достиженія болѣе или менѣе радикальныхъ измѣненій и въ нашемъ социальномъ строѣ. Въ виду всего этого мы считаемъ полезнымъ дать нашимъ читателямъ по возможности полный отчетъ о содержаніи и тенденціяхъ этой, во всякомъ случаѣ очень серьезной книги.

Рѣшаясь говорить, «какъ подобаетъ, подданному вѣрному, но отважному», съ дѣломъ «спасенія общественнаго порядка», авторъ «польскаго взгляда на русскіе государственные вопросы» прежде всего констатируетъ господствующее въ нашемъ обществѣ «истинно-чувственное чувство неустойчивости и непрочности — обыкновенно бывающее предвѣстникомъ революціи», «упадокъ правъ общественныхъ и растленіе правъ частныхъ», паденіе авторитета существующей въ Россіи власти, вслѣдствіе того, что «власть эта сдѣлалась недостоинною и безцѣльною удерживать ея».

Разсматривая происхожденіе такого положенія дѣлъ исторически, авторъ, въ качествѣ польскаго дворянина, придаетъ особую фатальное значеніе тому обстоятельству, что разными историческими причинами помѣшаны на разорванію въ Россіи такого феодальнаго

дворянского сословия, какое, по мнению автора, много способствовало прогрессу общественной жизни в Европе. Благодаря отсутствию исторического и пользовавшегося широкими политическими правами дворянства, в России, по мнению автора, развилась до ужасных размеров жадная и безразличная бюрократия, совершенно чуждая принципа *noblesse oblige*, не имеющая за душой ровно ничего такого, что бы заставило ее заботиться о благе и чести страны, а потому думающая только о том, чтобы побольше нагрabить. Изследуя затем специально причины господствующего в России всеобщего недовольства, автор находит, что начало этого недовольства совпадает с отрицанием крепостного права. Совершая это, «во всех отношениях справедливое дело», русское правительство, по мнению автора, не захотело быть последовательным и не только не вознаградило политическими правами помещиков, освобождая крестьян на счет прежних их владельцев и без всякой своей (т. е. крестьян же!) поддержки, но не дало этих политических прав и для всех сословий, хотя в пользу этого и высказывалось тогда общественное мнение. Такая непоследовательность русского правительства и отступления, сделанные им от начатых было реформ, и были причиной того всеобщего недовольства, которое чувствуется «в недрах семейств, в гостиной, на кафедре профессора и даже в правительственных канцеляриях», которое проникло даже и в «грубый ум крестьянина» и выражается тем, что среди крестьянского сословия, бывшего так долго совершенно безразличным, теперь часто случается слышать фантастические подробности о государственном бюджете, о злоупотреблениях самых высоких личностей, о безплодности трудов земства, об экономическом положении крестьян, о передлах помещичьих земель... чувство благодарности к Царю-Освободителю слаживается и исчезает, а место его занимают новые требования».

Таким образом, по мнению автора, оказывается, что существующая в России власть решительно и вполне дискредитирована, близко время, когда «Русский Царь впадет в глубокое уныние, ибо всякий день принесет ему какое нибудь доказательство его безплотия», страна идет к неизбежной революции, революции тем более ужасной, что «если дозволительно за общественными бедствиями признавать роковую постепенность, то можно сказать, что в Англии революция была политической, во Франции она имела характер демократический, в России же, по всей вероятности, революция будет демократическая и социальная».

Обращая затем к тому, что предпринимать и может предпринять правительство для спасения России от угрожающих ей бедствий, разбираемая нами книга подвергается решительной критике, как практическая правительством репрессивная мера, так и бюрократический способ его действия. Указывая на безплодность всяких репрессий в виду всеобщего оппозиционного настроения в обществе, автор не без злобного остроумия замечает, «что это ведь не в Польше — где можно было затормозить

движение, свирепствуя безразборчиво в семействах и на улицах, припав на себя прежде роль лисы в басне, а потом московских мясников...» «Вы у себя дома, в вашей святой Руси; — об этом забывать не надо!» говорит он.

Признавши, таким образом, действия правительства несообразными, автор разсматривает затем вопрос — к кому же может обратиться русское правительство за содействием, на чем оно может основать свою дальнейшую систему управления Россией? «Искать подпора в массах» — он находит решительно невозможным, так как «для поддержания на необходимой высоте их аличного восторга необходимы будут известные аграрные законы, т. е. то именно, чего требует социализм»; основывать власть на военной силе, он не находит также возможным, так как русский солдат, по его мнению, «не знает ни корпоративного духа, ни легендарной чести знамени, всегда чувствует себя гражданином»... и трудно рассчитывать на то, чтобы «постоянное чувство свирепого долга могло в междоусобной распре обратить русского солдата против собственных его сограждан»; еще менее возможным считает автор (писавший эту книгу до 1 марта 1881 г. — а, следовательно, и до министерства Игнатьева) обращение к политик «господь славянофилов, панславистов (которых он очевидно сближает с славянофилами) обрусителей или ярых централизаторов», которые, по его словам, «возбуждают только чувства международной ненависти и проповедают возвращение к дикой азиатской старине». Находя таким образом, что все вышеприведенные системы не состоятельны, что в «стране уже нет больше доверия к старым учреждениям, что обольщения власти уже не действуют, а гудеть вичевой колокол», автор считает для правительства единственно возможным только обращение к «знатным и интеллигентным силам страны, — по обращению честное и на вполне определенных конституционных основаниях, «потому что, не отрекшись предварительно от принципа произвола, составляющего сущность нынешней правительственной системы, — на решительное содействие нации рассчитывать нечего», тем более, что «содействие это невозможно, доколе закон не обезначит личной безопасности против злоупотреблений власти, которые навлекают на себя в России всякое свободное и откровенное слово».

Такое обращение правительства к интеллигентным силам общества, автор понимает в смысле допущения более или менее широкого общественного самоуправления, организованного таким образом, чтобы преобладающее влияние в нем принадлежало имущим и интеллигентным классам под очень близким и строгим контролем центрального правительства. Предлагаемая автором система самоуправления предполагает три существенных градации его: 1) самоуправление волостное, 2) провинциальное или областное и 3) государственное, с добавлением к ним еще губернской и уездной администрации, а также мирового суда, избираемых

также представителями волости или провинции.

Волость, по мысли автора, должна представлять собою первую самоуправляющуюся административную единицу, к которой должны быть приписаны всякий русский гражданин, без различия звания или сословия; сельские общины должны входить в состав волости, как члены самостоятельные только в пределах своих внутренних экономических интересов (распределение общественных земель и т. п.) и не имеющие никакой самостоятельности во всех остальных отношениях, находясь в административном подчинении у волости, которая в праве снимать даже избираемых сельским сходом деревенских старост. Всесословная волость (или приравняемый к ней по системе самоуправления город) в общем собрании обывателей, составленном на основании известного имущественного и образовательного ценза, избирает волостную (или городскую) думу и волостное правление (или городскую управу), состоящую из волостного старшины (или городского головы) и двух к нему товарищей. К ведомству волостной думы относятся заведывание всем хозяйством волости, путями сообщения, санитарно-медицинской частью, первоначальным обучением, распределением налогов и т. п. со включением волостной администрации и полиции. Волостная (или городская) дума собирается в определенные сроки четыре раза в год, в случаях же неотложности или особой экстренности независимо от этих сроков, по приглашению своего председателя или по решению одной трети своих членов. Бюджеты волостных дум должны быть представляемы на утверждение провинциальных земств, сами же волостные думы и управы могут быть расущены «в случаях определенных законом» властью провинциального генерал-губернатора, который, кроме того, имеет право увольнять в отставку и всех состоящих по выбору от волостного самоуправления должностных лиц и даже замещать их другими, до избрания новых.

Волостной управе принадлежит власть исполнительная и, кроме того, на нее возлагаются административные и полицейские обязанности под наблюдением высших административных органов.

Провинциальное или областное самоуправление, называемое иначе автором, провинциальным земством, организуется по его проекту следующим образом: все члены волостных и городских дум каждого уезда и все мировые суды, как почетные, так и действительные, собираются в определенный законом срок в уездном городе, под председательством председателя съезда мировых судей и избирают трех депутатов, оседлых в провинции, которые в качестве гласных и участвуют в заседаниях провинциального земства, как представители интересов уезда. Города с населением более 10 тыс. избирают соответствующее число депутатов. Земские гласные не имеют права принимать обязательных полномочий (*mandats impératifs*) так точно, как избиратели не имеют права давать их. Председатель провинциального

земства назначается главою государства и состоитъ въ то же время председателемъ постоянного исполнительнаго комитета провинціального земства, въ составъ котораго, кромѣ председатели, входятъ вице-председатель и три члена, избираемые земствомъ. Общее собраніе земства собирается одинъ разъ въ годъ по приглашенію своего председателя и въ срокъ имъ назначенный, открывается и закрывается генераль-губернаторомъ провинціи, на утвержденіе котораго представляются и все его рѣшенія. Въ кругъ вѣденія земства входитъ все то, что подлежитъ вѣденію земства и теперь.

Кромѣ установленнымъ закономъ предѣловъ, земство не имѣетъ права заниматься обсужденіемъ никакихъ другихъ вопросовъ, въ дѣлахъ же, требующихъ сношеній съ другими земствами, сносятся съ ними черезъ своего генераль-губернатора. Въ случаѣ какаго нибудь умышленнаго ущемленія со стороны провинціального земства, генераль-губернаторъ имѣетъ право распустить земство «по повелѣнію министра внутреннихъ дѣлъ», назначивши въ то же время срокъ новыхъ выборовъ, а исполненіе лежащихъ на земствѣ повинностей имѣетъ право повелѣть произвести посредствомъ подлежащаго губернскаго правленія «на счетъ самого же того упорнаго земства». Административныя пререканія между земствомъ и генераль-губернаторомъ разрѣшаются министромъ внутреннихъ дѣлъ съ правомъ апелляціи Сенату.

Въ тѣсной связи съ волостными и провинціальными самоуправленіемъ находится и проектируемая авторомъ разбрасываемой нами книги организация губернской и уѣздной администраціи, а также и мировой юстиціи. Въ выборѣ лицъ уѣздной администраціи волостное самоуправленіе непосредственно никакого участія не принимаетъ, вліяніе же его на эту администрацію заключается только въ томъ, что оно входитъ въ составъ избирателей губернскаго правленія. Это послѣднее учрежденіе составляется изъ депутатовъ или совѣтниковъ отъ каждаго уѣзда, избираемыхъ волостными и городскими думами вмѣстѣ съ съѣздомъ уѣздныхъ мировыхъ судей и состоитъ подъ предѣлительствомъ губернатора, назначаемого генераль-губернаторомъ изъ числа трехъ кандидатовъ, избранныхъ для этого провинціальнымъ земствомъ. Губернское правленіе заведываетъ общей полиціей въ губерніи, всеми дѣлами нынѣ существующаго губернскаго правленія и губернской земской управы. Въ качествѣ высшаго полицейскаго и административнаго учрежденія въ губерніи, оно назначается въ каждый уѣздъ особое уѣздное полицейское управленіе, состоящее изъ исправника, его помощника и двухъ членовъ или засѣдателей. Это учрежденіе дѣйствуетъ какъ делегация губернскаго правленія и наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ и общественнымъ порядкомъ въ уѣздѣ. Ему, въ качествѣ низшихъ административныхъ лицъ, подчиняются волостные старшины и городскіе головы, представляющие собою волостную и городскую полицію, а черезъ нихъ и сельскіе старосты — представители сельской полиціи. Губернаторы находятся въ непосредственномъ подчиненіи у генераль-губер-

натора, а черезъ него и у министра внутреннихъ дѣлъ, какъ у представителя центральной государственной администраціи. Они также точно, какъ и все лица губернскаго и уѣзднаго управленія, могутъ быть во всякое время удалены отъ должности властью генераль-губернатора, который долженъ назначить новые выборы, а до того времени имѣетъ право замѣнить всякое удаленное лицо другимъ, по своему усмотрѣнію. Мировые судьи избираются, по проекту нашего автора, волостными и городскими думами и въ каждомъ уѣздѣ вмѣстѣ съ почетными мировыми судьями составляютъ вѣсеную инстанцію, — мировой съѣздъ. Это учрежденіе, въ качествѣ совѣщательнаго члена, даетъ свои заключенія почти по всемъ дѣламъ, касающимся мѣстной администраціи, распределенія налоговъ, раздѣленія общественныхъ земель, отѣмъ сельскихъ сервитутныхъ и т. п. Почетные мировые судьи, по довольно оригинальной (хотя и совѣтъ понятной) идее автора, желающаго дать повсюду возможно сильное вліяніе дворянству, назначаются генераль-губернаторомъ по личной просьбѣ самихъ кандидатовъ и съ согласія мирового съѣзда, причемъ отказъ со стороны того или другаго долженъ быть мотивированъ.

Наконецъ, общегосударственное самоуправленіе, по проекту автора, должно состоять изъ двухъ законодательныхъ Палатъ: Боярской Думы и Земскаго Собора, коронѣ же авторъ оставляетъ только власть исполнительную. Утвержденіе государственнаго бюджета онъ относитъ къ компетенціи единственно Земскаго Собора или Палаты депутатовъ, Земскому же Собору, наравнѣ съ короной, должна принадлежать и законодательная инициатива, но для утвержденія закона считается необходимымъ согласіе всѣхъ трехъ властей. Права Палаты, по совершенно справедливому и чрезвычайно важному замѣчанію автора, должны вовсе не касаться предметовъ, предоставленныхъ вѣденію земства, чтобы разъ на всегда и рѣшительно устранить всякія централистическія поползновенія Палаты, особенно въ томъ случаѣ, если бы бюрократическій элементъ могъ когда-либо сдѣлаться въ ней преобладающимъ. Для составленія Боярской Думы, авторъ находитъ возможнымъ, чтобы корона сначала избрала нѣсколько «благородныхъ» родовъ, которымъ было бы пожаловано потомственное боярское достоинство съ правомъ засѣдать въ Думѣ, и сохранила за собою право новыхъ назначеній въ послѣдствіи; кромѣ того, по проекту нашего автора, въ составъ Боярской Думы должны входить въ качествѣ почетныхъ членовъ — представители земства, выбранные на основаніи особаго закона; наконецъ, въ составъ Боярской Думы онъ включаетъ также ректоровъ университетовъ и главъ важнѣйшихъ городовъ Россіи. Земскій Соборъ или Палата депутатовъ, по плану автора, должна составляться изъ депутатовъ отъ каждаго уѣзда и отъ городовъ, сообразно количеству ихъ населенія причемъ, по мнѣнію автора, право представительства должно быть распространено на все рѣшительно области Россіи, не исключая и самыхъ дикихъ, такъ какъ это съ одной стороны приучило бы и наиболѣе отдаленныя мѣстности къ благамъ цивилизаціи и съ дру-

гой дало бы законную возможность высказаться тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ есть сепаратистическія наклонности, что было бы самымъ лучшимъ способомъ оградить государство отъ всякихъ тайныхъ волненій. Члены обѣихъ Думъ не должны получать отъ государства никакого вознагражденія для того, говорятъ авторъ, чтобы исключить возможность смотрѣть на депутатское званіе, какъ на выгодную въ матеріальномъ отношеніи карьеру, или скорѣе для того, прибавимъ мы отъ себя, чтобы затруднить по возможности болѣе доступъ въ Палату людямъ мало-имущимъ. Затѣмъ авторъ находитъ необходимымъ введеніе у насъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ нѣкотораго избирательнаго ценза, въ виду, какъ онъ говоритъ, «дѣйствительной независимости избранія» (? !).

Для снятія съ Главы государства отвѣтственности за все промахи управленія и для упроченія единства власти, авторъ предлагаетъ учрежденіе однороднаго и отвѣтственнаго министерства, подъ руководствомъ министра-президента, обязаннаго давать свое управленіе всему. Выше же наблюденіе за исполненіемъ законовъ, кассационная власть въ судебномъ порядкѣ, храненіе и обнародованіе законовъ, разрѣшеніе пререканій о подсудности и превышеніи власти, дисциплинарный судъ по ущемленіямъ чиновниковъ и министровъ и, наконецъ, высшій контроль государственныхъ расходовъ — должны, по мнѣнію автора находиться въ вѣденіи Сената, который, такимъ образомъ, получаетъ болѣе определенное значеніе высшей судебной инстанціи въ государствѣ.

Наконецъ, въ видѣ заключенія книги мы находимъ, въ связи со всемъ въ ней сказаннымъ, такой рядъ желательныхъ авторомъ немедленныхъ мѣропріятій: 1) Императорскій манифестъ, объявляющій о наступленіи новой эры. 2) Свобода печати. 3) Совершенная административная децентрализція. 4) Преобразование Правит. Сената въ упомянутомъ выше смыслѣ. 5) Экономическая и финансовая реформа. 6) Учрежденіе однороднаго и отвѣтственнаго передъ народнымъ представительствомъ министерства. 7) Упраздненіе Государственнаго Совѣта. 8) Конституція, пожалованная Гос. Императоромъ и утвержденная его присогой. 9) Национальное представительство, состоящее изъ Боярской Думы и Земскаго Собора...

Х. С.-а.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ БУМАГЪ РЕДАКЦИИ „КОЛОКОЛА“.

Иркутское письмо М. А. Банунина къ А. И. Герцену.
(Окончаніе).

Я намѣренъ векорѣ послать Вамъ подробный журналъ моихъ faits et gestes со времени нашей послѣдней разлуки въ Avenue Marigny, а теперь скажу только нѣсколько словъ о своемъ настоящемъ положеніи. Просидѣвъ годъ въ Саронинъ, сначала въ Дрезденѣ, потомъ въ Königstein, около года въ Прагѣ, около пяти мѣсяцевъ въ Ольмюцѣ, все въ цѣлкахъ, а въ Ольмюцѣ и приковаанный къ стѣнѣ, — я былъ перевезенъ въ Россію: въ Германіи и Австріи мои отвѣты на допросы были весьма коротки: «Принципы Вы мои знаете, я ихъ не таилъ и высказывалъ громко».

я желать единства демократизованной Германіи, освобожденія Славянъ, разрушенія всѣхъ насильственно сплоченныхъ царствъ, прежде всего разрушенія Австрійской Имперіи; — и взять Ваши съ оружіемъ въ рукахъ—довольно Вамъ данныхъ, чтобы судить меня. Больше же ни на какіе вопросы я Вамъ отвѣчать не стану». Въ 1851 году въ маѣ я былъ перевезенъ въ Россію, прямо въ Петропавловскую крѣпость, въ Алексѣевскій рavelинъ, — гдѣ я просидѣлъ 3 года. Мѣсяца два по моему прибытію, явился ко мнѣ графъ Орловъ отъ имени государя: «Государь прислалъ меня къ Вамъ и приказалъ Вамъ сказать: скажи ему, чтобы онъ написалъ мнѣ, какъ духовный сынъ пишетъ къ духовному отцу, — хотите Вы писать?» Я подумалъ немного и размыслилъ, что передъ мною, при открытѣхъ судопроизводства, я долженъ былъ выдержать роль до конца. Но что въ четырехъ стѣнахъ, во власти медвѣды, я могъ безъ стыда смячить формы, и потому потребовалъ мѣсяць времени, согласился — и написалъ въ самомъ дѣлѣ родъ псовѣди, нѣчто въ родѣ *Dichtung und Wahrheit*; — дѣйствія мои были, впрочемъ, такъ открыты, что мнѣ скрывать было нечего. — Поблагодаривъ Государя въ приличныхъ выраженіяхъ за снисходительное вниманіе, я прибавилъ: — «Государь, Вы хотите, чтобы я Вамъ написалъ свою псовѣдь, хорошо, я напишу ее; но Вамъ извѣстно, что на духу никто не долженъ каяться въ чужихъ грѣхахъ. Послѣ моего кораблекрушенія у меня осталось только одно сокровище, честь и сознаніе, что я не измѣнилъ никому изъ довѣрившихся мнѣ, и потому я никого называть не стану». Послѣ этого, à quelques exceptions près, я разсказалъ Николаю всю свою жизнь за границу, со всѣми замыслами, впечатлѣніями и чувствами, при чемъ не обошлось для него безъ многихъ поучительныхъ замѣчаній на счетъ его внутренней и внешней политики. Письмо мое, разсчитанное, во первыхъ, на ясность моего повидному безвыходнаго положенія, съ другой же стороны, на энергическій нравъ Николая, было написано очень твердо и смѣло — и именно потому ему очень понравилось. — За что я ему дѣйствительно благодаренъ, это, — что онъ по полученіи его ни о чемъ болѣе меня не допрашивалъ. — Просидѣвъ три года въ Петропавловской, я при началѣ войны въ 1854 году былъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ просидѣлъ еще три года. — У меня открылась цынготная и повывали всѣ зубы. Страшная вещь пожизненное заключеніе: влечетъ жизнь безъ цѣли, безъ надежды, безъ интереса. Каждый день говорить себѣ: «сегодня я поглупѣлъ, а завтра буду еще глупѣе». — Съ страшною зубною болью, продолжавшеюся по недѣлямъ и возвращавшеюся, по крайней мѣрѣ, по два раза въ мѣсяць, не спать ни дней ни ночей, — чтобы ни дѣлать, чтобы ни читать, даже во время сна чувствовать какое то неспокойное юрочаніе въ сердцѣ и въ печени съ *sentiment fixe*: я рабъ, я мертвецъ, я трунь. Однако я не унадалъ духомъ; еслибъ во мнѣ оставалась религія, то она окончательно рухнула бы въ крѣпости. — Я одного только безалъ: не примиряться, не resignироваться, не измѣниться, не унизиться до того, чтобы искать утѣшенія въ какомъ бы то ни

было обманѣ—сохранить до конца въ цѣлостн святое чувство бунта. — Николай умеръ, и сталъ живѣе надѣяться. Наступила коронація, амнистія. — Александръ Николаевичъ собственноручно вычеркнулъ меня изъ поданнаго ему списка, и когда спустя мѣсяць мать моя молила его о моемъ прощеніи, онъ ей сказалъ: «*Sachez, Madame, que tant que votre fils vivra il ne pourra jamais être libre*» *). Послѣ чего я заключилъ съ прѣхавшимъ ко мнѣ братомъ Алексѣемъ условіе, по которому я обязывался ждать терпѣливо еще мѣсяць, по прошествіи котораго, еслибъ я не получилъ свободы, онъ обѣщалъ привести мнѣ яду. Но прошель мѣсяць—и получилъ объявленіе, что могу выбрать между крѣпостью или сѣлкойю на поселеніе въ Сибирь. Разумѣется, я выбралъ послѣднее. Не легко досталось мнѣ освобожденіе меня изъ крѣпости; государь съ упорствомъ барана отбилъ нѣсколько приступовъ: разъ вышелъ онъ къ кн. Горчакову (министру иностр. дѣлъ) съ письмомъ моимъ въ рукахъ (именно тѣмъ письмомъ, которое въ 1851 году я написалъ Николаю) и сказалъ: «*mais je ne vois pas le moindre repentir dans cette lettre*» **)—дуракъ хотѣлъ *repentir*! Наконецъ, въ Мартѣ 1857 года я вышелъ изъ Шлиссельбурга, пробылъ недѣлю въ 3-емъ Отдѣленіи, и по Высочайшему соизволенію сѣлки у своихъ въ деревнѣ, а въ Апрѣлѣ былъ приведенъ въ Томскъ. — Тамъ прожилъ я около двухъ лѣтъ, познакомился съ милымъ польскимъ семействомъ, отецъ котораго Ксаверій Васильевичъ Квятковскій служилъ по золотопромышленности. Въ верстѣ отъ города, на дачѣ, или какъ говорится въ Сибири, на заимкѣ Астангово жили они въ маленькомъ домикѣ тихо и по старосвѣтски. Туда сталъ я ходить всякій день, предложилъ учить французскому языку и другому двухъ дочерей, сдружился съ моею женою, приобрѣлъ ей полную довѣренность, — я полюбилъ ее страстно, она меня также полюбила, — такимъ образомъ я женился, и вотъ уже два года женатъ и вполне счастливъ. — Хорошо жить не для себя, а для другаго, особенно если этотъ другой милая женщина. — я отдался ей весь, она же раздѣляетъ и сердцемъ и мыслью всѣ мои стремленія. — Она полька, но не католичка по убѣжденіямъ, поэтому свободна также и отъ политическаго фанатизма, она славянская патріотка. Генер. Губ. Западной Сибири Гасфордъ, безъ моего вѣдома, выхлопоталъ мнѣ Высоч. соизволеніе на вступленіе въ гражданскую службу, — первый шагъ къ освобожденію изъ Сибири, но я не могъ рѣшиться воспользоваться имъ — мнѣ казалось, что, надѣвъ кобурду, я потерю свою чистоту и невинность; хлопоталъ же я о переселеніи въ Восточную Сибирь и насилу выхлопоталъ; боялся для меня смятін Мурavyева, который прѣзжалъ въ Томскъ отыскать меня и явно, публично высказать мнѣ свое уваженіе. Долго не соглашался, наконецъ согласился. Въ Мартѣ 1859 г. я переселился въ Иркутскъ, вступилъ въ службу только что образовавшейся Амурской

*) Переводъ: знайте, милостивая государыня, что пока Вашъ сынъ живъ, онъ никогда не будетъ свободенъ.

**) Переводъ: но я не вижу ни малѣйшаго раскаянія въ этомъ письмѣ.

Компаніи; ѣздилъ въ слѣдующее лѣто по цѣлому Забайкалью, а въ началѣ 1860 года оставилъ Компанію, убѣдившись, что въ ней прока не будетъ. Теперь ищу службы по золотопромышленнымъ дѣламъ у Бенардаки; до сихъ поръ еще дѣла мои не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, а хотѣлось бы обойтись безъ помощи братьевъ. Они не богаты, къ тому, не ожидая петербургскаго рѣшенія, они фактически освободили своихъ крестьянъ съ землею и производить всѣ работы насмнымъ трудомъ, — что сопряжено съ большою тратою капитала. — Какъ бы то ни было, живу я здѣсь въ обстоятельствахъ довольно стѣсненныхъ, по надѣюсь, что дѣла мои скоро поправятся. — Пора въ Россію. До сихъ поръ всѣ старанія Муравьева выхлопотать мнѣ право возвращенія были безуспѣшны. Тимашевъ и Долгорукій, основываясь на какихъ то сибирскихъ доносахъ, считаютъ меня человекомъ опаснымъ и неперемываемымъ. Впрочемъ, Муравьевъ увѣренъ, что ему удастся освободить меня нѣмъ весною. — Теперь я сильно надѣюсь на успѣхъ, и ѣхать въ Россію стало для меня дѣйствительною необходимою. Я не рожденъ для спокойствія, отдыхаю по вольѣ столько лѣтъ, пора опять за дѣло. Дѣятельность моя въ Сибири ограничилась пропагандою между поляками, — пропагандою, впрочемъ, довольно успѣшною; мнѣ удалось убѣдить лучшихъ и сильнѣйшихъ изъ нихъ въ невозможности для поляковъ оторвать свою жизнь отъ русской жизни, а потому и въ необходимости примиренія съ Россіею; — удалось убѣдить также и Муравьева въ необходимости децентрализаціи Имперіи и въ разумности, въ спасительности славянской федеративной политики. — Теперь надо въ Россію, чтобы искать людей; вновь познакомиться съ старыми и открыть новыхъ, чтобы ознакомиться живѣе съ самою Россіею и постараться угадать, чего отъ нея ожидать можно, (чего) нельзя. — Странно будетъ, если внутреннее движеніе, возбужденное крестьянскимъ вопросомъ, вылетѣтъ съ вѣишимъ, порожденнымъ по видимому Наполеономъ, въ сущности же далеко не умершею революціею, которой Наполеонъ только одинъ изъ органовъ, — странно, говорю я, если все это вылетѣтъ не разнѣтаетъ Россію. — Будемъ надѣяться, пока есть возможность надѣяться — а до тѣхъ поръ, друзья, прощайте.

Преданный Вамъ М. Бакунинъ.

Съ будущимъ письмомъ приложу письмо къ другу Рейхелю и приложу мой портретъ.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ И ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

(Продолженіе).

Говоря въ предыдущей статьѣ объ обратнo-пропорціoнальномъ отношеніи, не рѣдко замѣчаемо между размѣромъ заработной платы и продолжительностью рабочаго дня, мы имѣли въ виду культурнаго государства съ развитой промышленностью, каковы Германія, Англія и Соединенные Штаты Америки, откуда и брали примѣры и цифры, послужившіе для вышеупомянутаго вывода. По весьма любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что и въ Россіи наблюдаются совершенно тождественныя явленія. Въ этомъ легко убѣдиться хоть изъ статьи г. Абрамова «Изъ фабрично-заводскаго міра» (Отечественныя За-

писки, мартъ и апрѣль 1882 г.), въ которой всѣ факты заимствованы изъ «Сборника статистическихъ свѣдѣній Московской губернии» (Москва, 1881 г.), составленныхъ врачами-гигиенистами Эрисманомъ и Погожевскимъ.

«Высота заработной платы — пишетъ г. Абрамовъ — въ различныхъ производствахъ Московскаго уѣзда находится въ обратно-пропорциональномъ отношеніи къ продолжительности рабочаго дня: самый короткій рабочий день (отъ 11½ до 12 часовъ, работа только днемъ) на французской маслобойнѣ, кожевенныхъ и котельныхъ заводахъ, и на нихъ же самая высокая заработная плата (отъ 9 до 22, отъ 13 до 30 и отъ 12 до 33 рубл.); наоборотъ, самый длинный рабочий день (18 часовъ и болѣе!) на рогожныхъ заводахъ, и на нихъ же хуже всего оплачивается трудъ рабочаго (6—8 рублей въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ). Еще рѣзче проявляется этотъ контрастъ между длиною рабочаго дня и высотой заработной платы на фабрикахъ и заводахъ Клинскаго уѣзда, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, составленной на основаніи данныхъ, приводимыхъ г. Эрисманомъ».

Распределение промышленныхъ заведеній
Клинскаго уѣзда:

По продолжительн. По величинѣ заработ-
рабочаго дня. ной платы.

Наименьшая длина Наивысшая плата.
дня.

1. Механич. заводы.	1. Ковер. и шелкотк. ф.
2. Ковровыя и шелкотк. ф.	2. Механическіе заво- фабрики.
3. Бумагопряд. фабр.	3. Бумагопр. фабрики.
4. Самооткачив. фабр.	4. Самоотк. и бум. фабр.
5. Спичечные заводы.	5. Саножныя заведен.
6. Химическіе заводы.	6. Бахромныя заведен.
7. Кожевенные завед.	7. Химич. заводы.
8. Зеркальн. заведенія.	8. Кожевенные завод.
9. Отбѣльные и кра-	9. Отбѣльные и кра-
10. Мѣдно-цѣпочныя	10. Спичечные заводы.
11. Бахромн. заведен.	11. Зеркальн. завед.
12. Войлочныя завед.	12. Мѣдно-цѣпочн. зав.
13. Мелкія ткацкія	13. Войлочныя завед.
14. Саножныя завед.	14. Мелк. ткац. фабр.

Наибольшая дл. дня Наименьшая плата.

«Не правда ли, замѣчаетъ по поводу таблицы г. Абрамовъ, какая поразительная правильность явленій! Чѣмъ болѣе рабочий трудится, чѣмъ сильнѣе изнуряетъ онъ себя, тѣмъ ничтожнѣе его вознагражденіе! Единственно замѣтнымъ исключеніемъ являются саножныя заведенія, на которыхъ самый длинный рабочий день, за то и плата сравнительно не обидная»...

Но возвратимся опять къ западу, къ его крайнему краю, — къ странѣ свободолобивыхъ и предпринимчивыхъ янки, которая, по высокому развитію въ ней промышленности, по быстрому прогрессу техники и по значительной степени корпоративнаго самосознанія среди рабочихъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія съ точки зрѣнія разсматриваемаго здѣсь вопроса.

Среди американскихъ рабочихъ весьма распространено мнѣніе, что послѣ всякаго сокращенія часовъ рабочаго времени заработ-

ная плата не только не падаетъ, но непременно должна повыситься. «Предположимъ, говоритъ рабочая газета — California freie Presse (27 ноября 1880), что въ настоящее время, когда промышленность всюду процвѣтаетъ, лѣтъ ни одного рабочаго, который не имѣлъ бы занятія, и что въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ 5 милліоновъ рабочихъ, работающихъ по 10 часовъ въ день. Такимъ образомъ, общая сумма труда, принимаемаго въ производствѣ, составитъ въ день пятьдесятъ милліоновъ рабочихъ часовъ. Предположимъ, далѣе, что все это количество труда эксплуатируется фабрикантами и что вдругъ издадутъ законъ, ограничивающій восьмью часами рабочий день на фабрикѣ. Что произойдетъ теперь? Пять милліоновъ рабочихъ будутъ, вмѣсто пятидесяти милліоновъ, доставлять производству всего 40 милліоновъ рабочихъ часовъ въ день, и фабриканты потеряютъ, слѣдовательно, 10 милліоновъ часовъ поденнаго труда. Очевидно, что потерю отъ сокращенія рабочаго дня фабриканты могутъ вознаградить только (?) увеличеніемъ числа рабочихъ. Поэтому, спросъ на рабочихъ увеличится, а, такъ какъ число послѣднихъ останется при этомъ безъ измѣненія, не возрастетъ, то заработная плата должна непременно повыситься, ибо фабриканты, крайне нуждающіеся въ рабочихъ, дорожающіе ими, не въ состояніи будутъ отказать имъ въ удовлетвореніи требованія повысить заработную плату».

Sartorius von Waltershausen въ своей статьѣ, о которой мы уже упоминали прежде, приводитъ изъ официального отчета коммисіи, назначенной палатой депутатовъ Соединенныхъ Штатовъ для изслѣдованія причинъ застоя промышленности и торговли въ 1879 г. (Investigation by a select Committee of the house of the Representatives relative to the causes of the general depression in labor and business. Washington. 1879), интересный разговоръ между мистеромъ Парсономъ, виднымъ представителемъ одной изъ рабочихъ партій, и мистеромъ Шервинномъ, членомъ названной коммисіи, — разговоръ, характеризующій нагляднымъ образомъ взглядъ американскихъ рабочихъ на вопросъ о сокращеніи рабочаго времени и служащій какъ бы дополненіемъ къ соображеніямъ, высказаннымъ газетой California freie Presse, такъ какъ въ немъ приняты въ соображеніе важныя элементы, оставленные безъ вниманія упомянутой газетой, именно — влияние, оказываемое изобрѣтеніемъ новыхъ машинъ и вообще усовершенствованіемъ техники производства.

Вотъ о чемъ, между прочимъ, бесѣдовали мистеръ Парсонъ съ мистеромъ Шервинномъ:

Парсонъ. — Высокая заработная плата всегда имѣетъ своимъ послѣдствіемъ изобрѣтеніе новыхъ машинъ. Въ Китаѣ, гдѣ поденный заработокъ не болѣе шести центовъ, лѣтъ машинъ; но гдѣ заработная плата высока, тамъ всегда употребляютъ машины.

Шервиннъ. — Въ такомъ случаѣ законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ можно разсматривать какъ первый только шагъ къ дальнѣйшимъ сокращеніямъ рабочаго времени?

Парсонъ. — Законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ есть начало истиннаго рѣшенія рабочаго вопроса. Необходимо регулировать рабочее время такимъ образомъ, чтобы рѣ-

шительно всѣ рабочіе имѣли работу. Когда это будетъ достигнуто, то рабочіе получатъ возможность заключать дѣйствительно свободные контракты относительно размѣра заработной платы.

Шервиннъ. — Предположимъ, что это достигнуто и что рабочіе работаютъ по восьми часовъ въ день. Время идетъ, техника совершенствуется, производство усиливается, населеніе возрастаетъ. Сколько времени можетъ, по вашему, продолжиться такое положеніе?

Парсонъ. — Въ этомъ отношеніи возможны одни предположенія. Еслибъ восьмичасовая система была введена на всемъ прострѣствѣ Соединенныхъ Штатовъ, то уже въ слѣдующіе пять-десять лѣтъ мы, я думаю, работали бы при шестичасовой системѣ.

Шервиннъ. — Когда наступитъ бы предѣлъ сокращенію рабочаго дня?

Парсонъ. — Сокращеніе должно остановиться, когда изобрѣтательность человека не будетъ болѣе въ состояніи находить новыхъ средствъ для лучшаго удовлетворенія нашихъ желаній и потребностей при помощи машинъ, утилизирующихъ двигательную силу пара и электричества.

Шервиннъ. — И наступитъ такое время, когда можно будетъ совершенно обойтись безъ ручнаго труда?

Парсонъ. — Я думаю, что для мотіона, для здоровья необходимо около четырехъ часовъ работы въ день.

Шервиннъ. — А если предложеніе труда будетъ такъ велико, что не всѣ люди получатъ возможность работать по четыре часа въ день?

Парсонъ. — Тогда они могутъ посѣщать для упражненія мышицы гимнастическія залы.

Шервиннъ. — Такой порядокъ не вырождается ли въ коммунизмъ?

Парсонъ. — Нисколько. Его естественнымъ, логическимъ результатомъ является кооперация. Заработная плата будетъ повышаться до тѣхъ поръ, пока не устранится совершенно всякая возможность полученія барышей съ чужаго труда, пока теперешняя система конкуренціи не превратится въ кооперацию. Но это предполагаетъ, конечно, измѣненіе характера народа.

Шервиннъ. — Что разумѣете вы подъ измѣненіемъ характера народа?

Парсонъ. — Я хочу сказать, что люди должны обладать высокою степенью нравственности и умственнаго развитія, чтобы годиться для кооперативнаго государства.

Шервиннъ. — Вы говорите, что лѣтъ черезъ пять-десять рабочий день будетъ сокращенъ съ восьми до шести часовъ. Чѣмъ будетъ вызвано такое сокращеніе?

Парсонъ. — Системой конкуренціи въ связи съ постояннымъ изобрѣтеніемъ все новыхъ и новыхъ машинъ.

Слова рабочаго Парсона звучатъ утопіей. Неужели при помощи однихъ послѣдовательныхъ сокращеній рабочаго времени и при взаимодействіи такихъ двухъ факторовъ, — коковы непрерывный прогрессъ техники и самодѣятельность рабочихъ въ области политической и экономической, безъ всякихъ изъяснительныхъ мѣръ, безъ экспроприаціи фабрикантовъ, или современнаго капиталистическаго строя можетъ, въ самомъ дѣлѣ, возникнуть истинно социалистическій порядокъ или

как его называет Парсонз, кооперативное государство?

Прежде всего, правда ли, что всякое сокращение рабочего дня непременно вызывает повышение заработной платы? Таблицы, приведенные нами выше, говорят в пользу этого предположения, но они не могут служить вполне убедительным доказательством, что повышение заработной платы вызывается именно сокращением рабочего времени и что оно бывает прочное, а не кратковременное. Ведь если — взявши, например, таблицу г. Эрнсмана — на механических заводах Клинского уезда рабочий день всего короче и заработная плата всего выше, а на мелких ткацких фабриках того же уезда рабочий день всего продолжительнее, а заработная плата всего меньше, то из этого следует только, что работа на механических заводах вообще много выгоднее работы на мелких ткацких фабриках, но отсюда нельзя заключить, что стоит, напр., сократить рабочий день на мелких ткацких фабриках до нормы, существующей на механических заводах, чтобы тем самым сравнять заработную плату во всех этих промышленных заведениях.

Нужно сознаться, что до сих пор не было еще произведено достаточно обширного статистического исследования (по крайней мере в Европе), которое позволило бы сделать вполне надежные и точные заключения относительно зависимости между заработной платой и продолжительностью рабочего дня. Но если не возможно доказать, что сокращение рабочего времени обуславливает всегда повышение заработной платы то все известные пока факты единогласно свидетельствуют о том, что сокращение почасового труда может повлечь за собою понижение заработной платы разве в редких и совершенно исключительных случаях, а уже одного этого обстоятельства достаточно, чтобы вполне оправдать агитацию в духе программы мистера Парсонса.

Понижение заработной платы может происходить вообще там, где уменьшение часов почасового труда вредит интересам фабрикантов, уменьшая количество фабриката. Конечно, в два часа рабочий произведет несравненно меньше, чем в десять часов, но сокращение рабочего времени никогда не идет такими скачками: оно совершается постепенно, давая производству возможность приспособиться к новым условиям. Опыт показывает, что постепенное укорочение рабочего дня не наносит ущерба промышленности вообще и вредит только успеху плохих фабрик, работающих при помощи устаревших способов производства и еле-еле выдерживающих конкуренцию. Сокращение рабочего дня часто ускоряет окончательное падение таких фабрик. Жалеть об этом, конечно, нечего, потому что не подобные же промышленные заведения могут прокормить рабочих и содействовать процветанию производства во всех странах! Но на фабрики и заводы, находящиеся на высоте требований конкуренции и управляемые не рутинерами, а предприимчивыми людьми (а их только и следует иметь в виду с точки зрения заботы о процветании промышленности), сокращение рабо-

чего времени в известных пределах — не оказывает вредного влияния. Из отчетов фабричного инспектора Schuler'a (см. статью Cohn'a: Der Normalarbeitstag in der Schweiz в Jahrb. f. Nationalök. 1882) видно, что в Швейцарии, после вступления в силу закона об одиннадцатичасовом рабочем дне, количество фабриката, производимого ежегодно в разных промышленных заведениях, уменьшилось лишь на незначительный процент: максимум на 8,4%, чаще же всего не более, чем на 1 — 3%. При этом уменьшение количества фабриката большей частью уравновешивалось улучшением его качества (от более старательной работы), и, следовательно, увеличением его стоимости — и, кроме того, могло быть устранено введением более усовершенствованных способов производства. Американская комиссия, занимающаяся собиранием статистических сведений о положении фабричного труда (Bureau of labor statistics), убедилась, что только в тех отраслях производства, где все делается машинами — и роль рабочих, стало быть, сводится лишь к надзору за правильным ходом машин, к управлению ими — между степенью производительности первых и последних часов рабочего дня не существует заметной разницы, но что чем более в производстве требуется участия инициативы, ловкости и технического искусства со стороны рабочего, тем меньше продуктивными становятся последние часы его трудового дня, так что, при известной продолжительности этого дня, производительность последних часов работы может дойти до нуля. Статистическая комиссия штата Миссури нашла (в 1881 г.), что в разных отраслях промышленности этого штата рабочие производят столько же при восьмичасовом, сколько и при десятичасовом почасовом труде — даже при систематическом понижении платы.

Введение новых машин, при помощи которых фабриканты стараются устранить убытки, происходящие в тех случаях, когда сокращение рабочего времени влечет за собой значительное уменьшение количества производимого фабриката, может, конечно, отражаться невыгодно на рабочих, особенно в странах, где прогресс промышленности идет очень медленно. Иногда машины до такой степени усиливают производительность труда, что лишают работы большое количество рабочих. В Америке подобные явления наблюдаются довольно часто, но быстрый рост промышленности скоро открывает там новые отрасли труда и доставляет рабочим, лишившимся было работы, новую возможность заработка. Наконец, не нужно забывать и возможности бороться со злом, причиняемым машинами, — путем коалиций, стачек, дальнейшего сокращения рабочего времени, действующего до некоторой степени подобно уменьшению числа рабочих, т. е. увеличивающего спрос на них.

Мистер Парсонз, думающий добиться осуществления социалистического строя при помощи одних последовательных сокращений рабочего дня, грешит, между прочим, тем, что основывает свою программу на чистой гипотезе о том, что совершенствование тех-

ники, так сказать, не имеет пределов. Но при этом не следует упускать из виду и невозможность доказать обратное. Может быть, и существует предел человеческой изобретательности в деле придумывания новых машин, но укажите, пожалуйста, где он? До сих пор прогрессов, очевидно, еще не дошло до него. И если есть страны, где в известных отраслях промышленности прежде работали по 13 и 16 часов в сутки, а теперь работают только по 8, то почему, спрашивается, там со временем невозможно дальнейшее сокращение почасового труда до 7, 6 или даже до пяти часов?

Таким образом, программа Парсонса, если понимать ее с некоторыми ограничениями, которые мы постарались наметить в общих чертах, вовсе не утопия. Напротив того, она может служить превосходным указанием направления, в котором должны действовать рабочие, и открывает последним широкий путь, если не к достижению социалистического идеала, то, по крайней мере, к переходным ступеням, ведущим к нему — к тем самым переходным ступеням, необходимость которых признает в Манифесте немецких коммунистов и великий теоретик социализма, сторонник «нормального рабочего дня», Карл Маркс.

Сокращение рабочего времени может быть достигнуто — и на самом деле достигается — двумя путями: путем стачек, т. е. давлением, производимым рабочими на отдельных фабрикантов на почве так называемой свободной конкуренции, и путем законодательных мер. Оба пути необходимы. Многие работодатели противятся требованиям рабочих сократить число часов почасового труда только из боязни — часто совершенно неосновательной — попасть в условия невыгодные для конкуренции с другими фабрикантами, у которых продолжительность рабочего дня останется прежней. В «Сборнике статистических сведений Московской губернии» врач Погожев, описывая бумагопрядильную и самоткацкую фабрики Воскресенской мануфактуры Верейского уезда, сообщает, напр., следующее: «Достоинство внимания, что фабричная администрация, как и на многих других фабриках, отнюдь не признает безусловной необходимости почной работы для усиленного ведения дела. По словам одного из директоров на описываемой фабрике, это крупное зло легко могло бы быть устранено, если бы все фабриканты согласились прекратить у себя почную работу, или если бы последний был без условно воспрещен. Так, по словам упомянутого директора, на бумагопрядильных фабриках петербургского округа, уже в течение нескольких лет не существует ночной работы, а между тем дела идут несравненно лучше, чем на фабриках московского промышленного округа, где еще не последовало такого добровольного соглашения между фабрикантами». Что справедливо в данном случае относительно почной работы, то в значительной степени справедливо и по отношению к сокращению рабочего дня вообще.

Фабричный закон, уравнивая положение

чалия, продолжали они, вам удалось осчастливить рабочего, то мы никогда не видали бы революции, а между тем нам прежде всего — нужна революция». (Fribourg, p. 164).

Разумеется, интернационалисты, очутившись между бланкетистами, с одной стороны, рабочими обществами и радикалами, с другой, встретили в самом же начале большие затруднения. При самой деятельной пропаганде, число членов Интернационала увеличивалось слабо. В первые 7 месяцев своего существования, интернационалисты при больших успехах, как уверяет нас Fribourg, приобрели в Париже всего 500 членов. В 1867 году из прочитанного рапорта на Лозанском конгрессе мы узнаем, что почти за три года существования Интернационала во Франции число членов Парижской секции не превышало 600 душ. Материальные средства интернационального общества во Франции были весьма ничтожны. Наглядное понятие о слабости Интернационала во Франции даст отчет о взносах, какие поступили, согласно статуту, из секций французов в центральный (генеральный) совет Интернационала по расчету 10 сантимов с члена: из Парижа 100 фр., из Кана 25 фр., из Лиона 290 фр., из Бордо 86 фр., из Руана 5 фр., из Уинне 133 фр., из Neuville-sur-Saône 31 фр. Итого 670 фр. за два года.

Остальные 19 секций не ввели в кассу генерального совета ни единого сантимата*). Прозвонили ли это от неаккуратности их членов, или от малого числа их в секциях, нам это неизвестно. Из доклада же генерального совета на Лозанском конгрессе 1867 г. мы узнаем, что отчет Женевского конгресса и издание периодического бюллетеня не состоялось за недостатком средств. В то время в кассе генерального совета оказалось всего на всего 22 фр. и 90 сант., для изданий же было необходимо 3000 фр.

Очевидно, генеральный совет крайне нуждался в деньгах, и, если французские секции не высылали ему обязательных взносов, то это может быть только объяснено полным отсутствием материальных средств и абсолютной невозможностью собрать их.

Слабость развития Интернационала во Франции не один раз констатировалась самими членами международного общества. Один сваливал вину на капиталистическое производство, говоря, что рабочие вследствие непомерного труда потеряли способность даже понимать свою пользу. Другие утверждали, что причина неуспеха их пропаганды зависит от самих же пропагандистов, ибо «до сих пор мы занимались исключительно пропагандой наших теоретических воззрений»**). Что касается до отсутствия понимания рабочими своей пользы, то из последнего изложения мы увидим, насколько это предположение было ошибочно.

Рабочий знает, чего ему нужно; практическая жизнь продиктовала ему еще в 64 г. сознание необходимости для него политичес-

ких реформ, которых он и продолжал упорно добиваться....

Интернационалисты, не под страхом ли очутиться вонющими в пустыне, невольно придумались также над вопросом о политическом внимательстве? Не это ли было причиной, что на Лозанском конгрессе в 1867 году прямо был поставлен вопрос: «отсутствие политической свободы не представляет ли препятствия для экономической эмансипации рабочих и не одна ли это из главных причин социальных катаклизмов?»

Комиссия (состоявшая из большинства из французов), которой было поручено рассмотреть этот вопрос, ответила на него утвердительно, прибавив: «Из различных докладов, прочитанных на конгрессе, явствует, что рабочие, лишены политической свободы, осуждены вращаться в заколоченном кругу, столь пагубном для их интересов. Следовательно, чтобы положить этому гибельному statu-quo конец, — надобно с самого начала добиваться политической эмансипации с такой же настойчивостью и энергией, с какой мы добиваемся — экономической». Соглашаясь с мнением комиссии конгресс постановил: «1) что экономическая эмансипация рабочих неразлучна с политической, 2) что достижение политической свободы есть мѣра первой и абсолютной необходимости».

Можно было бы думать, что после Лозанского конгресса французские интернационалисты попадут в топт рабочего движения Франции и поймут руку об руку с рабочими синдикатами. К несчастью, этого не случилось. Исправив одну ошибку, интернационалисты, самым незамысловатым для себя образом, впали в другую.

Мирные пропагандисты первых годов своего существования перенесли дух в другую сторону. Они, под влиянием якобинцев и горячих ораторов на интернациональных конгрессах, превращаются теперь в революционеров, жаждущих немедленного обновления существующего строя посредством возстания, согласно формулам Интернационала в Интернационал, т. е. Алльянса, главою которого, как известно, был Бакунин. Четвертый параграф программы Алльянса говорит: «члены Интернационала не должны принимать участия в тех политических действиях, цель которых не есть немедленный триумф рабочего класса над капиталом». Бакунин «не желает больше обманывать рабочих», а поэтому он ставит вопрос «прямо», «без обиняков» — и утверждает, что «вплоть абсолютного равенства — вплоть спасения!». Для водворения же этого равенства необходимо, по его мнению, «разрушить все государства и на их развалинах основать международное государство рабочих».

Г. Жакляр, на конгрессе в Берне, в 1868 году, взяв в примѣръ современную, свободную, республиканскую Швейцарию, доказывал, что политическое разрушение всего существующего есть единственный выход из современного экономического строя. «Вы, сказал Жакляр, желаете учреждения федеративной республики и думаете, что посредством ее вы многого достигнете. Между тем, взгляните на Швейцарию! Нет, ли там бед-

ности и богатства? Существование пролетариата совместимо с федеральной республикой. А поэтому мне кажется, что нужно покончить со всем существующим порядком, и только на дымящихся его развалинах, облитых буржуазной кровью, мы водрузим знамя социальной революции и оснуем окончательную республику!»

На конгрессе в Базеле в 1869 году интернационалисты, рвущиеся «покончить сразу со всем существующим, начали отыскивать ту формулу собственности, которую они должны были водворить на другой день социальной революции. Прения по этому поводу были довольно продолжительны. В конце концов Бакунин предложил вотировать за коллективную собственность. Это предложение было одобрено и вотировано утвердительно. Конечно, уступая Бакунину, который, при общей коллективистической идее, еще придавал особенное значение и вопросу о наследстве, конгресс уничтожил также и наследство. Вообще все вопросы, поднятые на базельском конгрессе, относились не к настоящему, а к будущему, хотя, впрочем, как говорилось, «не столь отдаленному от нас, как это кажется на первый взгляд»*).

Некоторые интернационалисты, усумнившиеся в возможности быстрого осуществления этих вопросов путем революции, тщетно звали к здравому разуму, логику и наконец к науке. Их возражения не были приняты во внимание, «здравый разум» оказался «понятием условным», логика — о двух концах, а что касается до науки, то на это Брюссель, делегат из Брюсселя, ответил, что «если наука находится в противоречии с нашими революционными убеждениями, то тем хуже для нее! Наука должна преклониться перед нашими принципами, которые ни перед кем не согнутся!»**)

После таких рѣчей сомнѣніямъ не было мѣста, — они должны были развеяться и исчезнуть и, — на самомъ дѣлѣ, — развеялись и исчезли въ кругахъ, прикосновенныхъ къ Интернационалу. Благодаря последнему обстоятельству интернационалисты оглашали рабочую Францію слѣдующими рѣчами: «Общество извращено! его нужно реформировать à fond! Достижимо ли это путемъ политической дѣятельности? Нѣтъ! вѣдь революція — путь спасенія!» Такимъ образомъ французскіе интернационалисты пришли собственно къ тому же пункту, съ котораго, какъ можно было думать, они сдвинулись на Лозанскомъ конгрессѣ 1867 г.; опять выходило по ихнему, что принимать участіе рабочими массами въ текущихъ политическихъ дѣлахъ своей страны издѣлище и предосудительно. Дѣятельность правотѣрныхъ интернационалистовъ должна была сосредоточиться на подготовле-

*) «Что означает этот конгресс?» восклицала по этому поводу газета «Le Peuple de Marseille», в статьѣ «Le Congrès de Bâle». «Вѣдь они (делегаты) уполномочены? Идутъ ли рѣчь о практическихъ рѣшеніяхъ, о какомънибудь планѣ иудейской войны, о заработной платѣ, безработицѣ, о работѣ?... Нѣтъ! они отыскиваютъ способы перестроить общество на новыхъ основаніяхъ, не останавливаясь даже о правахъ, вкусахъ, наконецъ, въ разсудкахъ каждой націи. Да вѣдь это просто на просто абсурдно». Testut «Internationale». Paris. 1871.

**) Fribourg. p. 150.

*) Testut. Le livre bleu de l'International. Paris 1871.

**) Rapport présenté par le délégué Aubry au congrès de Lausanne au nom de la section Rouennaise.

ии рабочего класса к кровавой революции, которая должна была «на развалинах старого мира воплотить истину и справедливость в общественные формы».....

На сколько масса рабочих и даже наибольшая организованная часть ее, которая принимала участие в синдикатах, — или союзных по роду ремесла, — была далека от подобных планов интернационалистов, — это показывают требования представителей этих синдикатов в 1867—1868 гг.

В 1867 г. конкуренция императорского правительства с либерально-республиканской оппозицией заставила первое не только относиться терпимо к существованию рабочих синдикатов, в сущности незаконному, но и согласиться на собрание их представителей в особую комиссию, которая имела высказывать желания рабочего класса. 114 синдикатов назначили в эту комиссию 354 делегата, которые и выработали обстоятельный меморанд, представленный в январе 1868 г. министру торговли. В этом меморанд рабочие говорили, что они имели искреннее желание выработать способы, чтобы «полностью согласием с патронами устранили недоразумения между рабочими и работодателями; по добровольному соглашению, сократить число рабочих часов на столько, чтобы рабочие могли употреблять вечернее время на посещение курсов и уроков взаимного технического обучения. С этой целью комиссия предлагает учреждение легальных синдикальных камер, члены которых должны быть избираемы всеми рабочими известного ремесла. Первая их задача — достигнуть соглашения с работодателями, соблюдая интересы всех. С этой целью, рабочие синдикаты, опираясь на поддержку правительства, должны достигнуть той силы, как и синдикаты работодателей, опирающиеся на силу капитала. Рабочие синдикаты должны достигнуть и других благих результатов; желательно: развить и укрепить солидарность между рабочими ремесла и дать им возможность пользоваться услугами своего; путем организации устранив невыгодные последствия безработицы, болезни, старости и несчастных случаев. Целью синдикатов ставилось также: защита и охранение личной свободы и частной инициативы от посягательств правительства; наблюдение о выполнении обязательств по отношению к ученикам: организация курсов для изучения законодательства, касающегося ремесленных обществ и соответствующих ему учреждений; собрание и распространение полезных сведений о новых открытиях и улучшениях; поддержка рабочих-изобретателей, если им окажется необходимым патент.

Другие требования меморанд касались реорганизации ремесленных судов и отмены рабочей клятвы. В собрании были заявлены требования свободы схода, ассоциации и свободы слова, а также бесплатного обязательного обучения и отмены томожн.

Принимая вышеприведенный доклад, министр торговли заявил, что он лично ничего не имеет против существования рабочих синдикатов. Но на это делегация заявила, что система терпимости неблагоприятна для синдикальных камер; правитель-

ство должно дать нечто более позитивное, дабы синдикальные камеры получили нужный авторитет.... Спустя некоторое время правительство ответило, что синдикальные камеры рабочих будут точно также терпимы, как и синдикаты работодателей.

Таким образом, требования рабочих не были удовлетворены и сдвинулись поводом к агитации политических радикалов среди рабочей массы. Радикалы воспользовались этим обстоятельством и предложили рабочим свои услуги. Знаменитая бельгийская программа 1869 года, врученная рабочим в руки Гамбетты, служила введением в курс дела, до которых поднялся рабочий класс Франции. Программа требует: полной свободы ассоциации; обязательного, дарового и светского первоначального обучения; уничтожения бюджета министерства врансповданий и отделения церкви от государства; уничтожения городских таможен (octrois); назначение государственных чиновников путем выборов; ограждение личной свободы и, наконец, полной свободы печати и схода. Агитация по этим вопросам, вынуждая правительство все более и более расширять свою терпимость к рабочим обществам, дала возможность последним увеличить свое число и силу. В 1869 году в Париже насчитывалось уже 60 рабочих синдикатов, число членов которых доходило до 60,000 душ. В 1869 году синдикальные камеры Парижа образовали федеративный союз («chambre fédérale des sociétés ouvrières»). В Лионе был основан союз 30-ти рабочих обществ. В Марселе был учрежден федеральный союз 27 синдикальных камер. В Руане, Безансоне, Лиможе, Бордо и во многих других городах тоже организовались ремесленные синдикаты.

Итак, мы видим, что основы рабочего движения 60-тих годов не только не изменились, но ярче и рельефнее обозначились.

Рабочие, по прежнему, преследовали две цели: организацию рабочих синдикатов и требования политической свободы, которая бы обеспечивала их существование и всестороннюю деятельность.

При чем же оказались в этом движении интернационалисты? Были ли они в нем и какое положение занимали? — Об этом до следующего письма.

(Продолжение следует).

Н. Жебунев.

ИЗВѢСТІА И ЗАМѢТКИ.

Святость семьи в России. Импер. российское правительство не ограничивается уже тем, что запрещает родителям посылать деньги на пропитание их детей, принужденных эмигрировать, — но недавно отобрало девятилетнюю дочь у одной вдовы, которая вышла замуж за «неблагонадежного» человека, — и поместила девочку насильно в Екатеринбургский институт.

Хотя бы грамоты выучились! В предостережении, данном на днях «Отеч. Зап.», сказано, что между прочим дается оно за восхваление коммунара в статье г. Николаде. Таким образом, государственный коммунист Лун Бланш, не только не принимавший участия в возстанении парижских коммунаров 1871 г., но вытравивший благодарность армии за их кровавое усмирение,

попал у г. Толстого сам в коммунары. Впрочем, в свою бытность об. прокурором св. Синода, г. Толстой обмолвился еще ночью, назвав библейское изречение о пророке в его отечестве — французской поговоркой!

Гг. Побѣдоносцевъ и Иероглифовъ. Кто мракѣе еще Побѣдоносцева! Казалось бы, никто; ах, нѣтъ! Оказывается, что есть въ Петербургѣ таинственный чиновникъ Иероглифовъ, который связанъ тайными узами съ оберъ-прокуроромъ св. Синода в который сгорючить и его отъ возмущества, къ тому же даже самодержавнаго ученика г. Побѣдоносцева. Послалъ же богъ и фамилію этому ангелу хранителю самую египетскую, да обудется реченье нашимъ корреспондентомъ о египетской тѣхъ, какъ объ имени Побѣдоносцевскаго періода русской исторіи.

Комиссія тайныхъ совѣтниковъ изъ семинаристовъ. которую установилъ г. Побѣдоносцевъ для разработки вопроса о церковно-приходскихъ школахъ, остановилось на планѣ отобрать для св. Синода всѣ первоначальныя школы у земства и министерства нар. просвѣщенія и оставить послѣднему только школы двухклассныя. Гр. Толстой разъ этому плану, какъ началу упраздненія земствъ. Онъ высказывается прямо, что «пора покопчить съ агрономическимъ представителемъ», и увѣряетъ, что во всей Россіи всего 2—3 человека пожелаютъ о земствахъ.

Разработка земскихъ вопросовъ между тѣмъ не замедляетъ: намъ пишутъ, что тверское земство одобрило важныя предложенія по земскому дѣлу, а съ другой стороны, членъ государственнаго совѣта гр. Коцебу представилъ записку о необходимости областныхъ земскихъ собраний по генералъ-губернаторствамъ.

Вымышленная прокламація. Въ разныхъ иностранныхъ газетахъ, — между прочимъ и въ «Journal de Genève» отъ 15 февраля, появилась прокламація, будто бы изданная «Исполнительнымъ комитетомъ русск. соц. революц. партіи», съ различными политико-соціальными требованіями отъ царя. Но свѣдѣніямъ изъ Петербурга отъ довольно компетентныхъ людей, ничего подобнаго тамъ въ послѣднее время не появилось. Да и по редакціи видно, что прокламація эта — измышление заграничныхъ Молчановыхъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
Н. GEORG, Genève, Corratierie, 10
Поступили въ продажу
ПОЛІТИЧНІ ПІСНІ
УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ

з увагами

М. Драгоманова.

Частина I:

Кієвсь козацтва.

Розділ I:

Запорозці в 1709—1739 рр.

Ціна 3 фр. 50 с.

Тамъ не продается

ПОЛІТИЧНІ ПІСНІ УКРАЇНСЬКОГО
НАРОДУ

XVIII—XIX ст.

Списки з увагами

М. Драгоманова.

Ціна 2 фр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

А. И. ГЕРЦЕНА.

ДЕСЯТЬ ТОМОВЪ ПО 4 фр. ЗА ТОМЪ

Редакторъ М. Драгомановъ.

Genève. Imprimerie de la Parole libre chemin Danet, 15